

Екатерина Картавцева

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

стихотворения,

ПОЭМЫ

Тула, 2017

Обложка, иллюстрации – Илья Гарбузов
Верстка – Оксана Новикова
Корректор – Тамара Захарова

РАЗНОЦВЕТНЫЙ СЧЕТ

Кодекс урбаниста

Мельтешат рекламные огни,
Через них – небесный трансвестит, –
Конфетти воздушному сродни,
Разноцветный снег летит, летит...
Белым стал бы он на мостовой,
Да морозов нет пока в помине...
Не успев побыть самим собой,
Грязной лужей плещет в котловине.
Не обидно ли: без остановки
С неба – в недра городской ливневки!

...Я несу на куполе зонта
Стайку неиспорченных снежинок.
Кашу снеговую мнут машины...
Промельки, скольженье, пестрота...

Проскрипел осторожный троллейбус,
Обогнул перекрестка локоть.
Посмотрело кошачьим глазом,
Немигающим пристальным глазом,
И исчезло неслышно такси.
Чудо-юдо-метро лежало,
Пропуская людей сквозь двери,
Как сквозь зубы живую воду.
Наработавшийся автобус
Тяжело шевелил боками.
Мотоцикл блестящей уклеей
Вдруг отскакивал от светофора.
Кран подъемный большим пеликаном
Поднимался, качая в клюве
Ярко-белый кусок бетона.
Как большие уснувшие утки,
У причала лежали ракеты
На подводных недвижимых крыльях.
Удалялось тяжелое тело
Одинокой бесформенной баржи,
А над ней – надоедливый овод –
Вертолет то снижался, то снова
Поднимался...
И мне казалось,
Будто мир населен не нами –
Не людьми.
Будто те механизмы, что вокруг,

Жили собственной жизнью
И спешили своим заботам
Дань отдать.
И однажды ночью
Сочинить что-нибудь о людях,
Что живут по соседству с ними,
Неприкаянные такие...

Дворы-колодцы. Фонари. Деревья в инее.
Лед, припорошенный песком. Проулки синие.
Под каждой аркой проходной – шальное эхо,
Как будто демон на лету зайдется смехом.
Лишь черной тени силуэт скользит со мною
И слепо вертит головой, как в паранойе...
Стараясь острым каблуком не оцарапнуть,
Застыну в круге световом, ночная цапля.
Прислушаюсь: никто ко мне не подкрадется?
Уф-ф... ни одной живой души на дне колодца.
Уже слипаются глаза последних окон.
Сосульки спят в сырых темницах водостоков.
В глубоком сне сопят налетчики, служаки,
Влюбленные, лунатики, маньяки...
Но... от безлюдья – самая тревога!
И кажется желанным тот, с бульдогом,
Что двинулся из тьмы по бровке скользкой.
Наверно, у меня синдром стокгольмский...

Ты сделала свои дела? Уходим, Сима!
Для мелкой таксы здесь – невыносимо.

Работа

Ночной таксист, верней – таксистка,
Диспетчера худой презент.
Ты кто, родная? Мазохистка?
Несостоявшийся суицидент?

Кружить во мраке волчицей в клетке
До красноты бессонных глаз...
Работа?
Русская рулетка!
Спускай курок – дави на газ!

И каждый на автопилоте
Интересуется у ней:
– Вам страшно на такой работе?
– Мне без работы еще страшней...

...Аквариум аэропорта.
А вдруг – теракт, заклин шасси?..
У каждого своя работа,
Ну и судьба –
в связи.

Попытка гороскопа

Какие планы у судьбы,
Какие планы?
Какие понесем гробы,
Залижем раны?

Скрипит распахнутая дверь,
Свежо и льдисто.
Когда сомненья гнусный червь
Грызет, неистов.

Что за превратности судьбы
На нити жизни –
От нежной девичьей волшбы
До скорбной тризны?

Какие сроки, города,
Где самый складень?
Друзья какие – навсегда,
Какие – на день?

...В дверном проеме на свету –
Стекле предметном –
Гляжу в ночную темноту,
Что безответна.

И звезды смотрят на меня
Сквозь окуляры.
Бывает, падают, звеня,
На тротуары...

Как распознать их тонкий звон,
Распутать стропы?
Ведь у меня – не в унисон
Все гороскопы...

И остается лишь шагнуть
В ночную бездну,
Где звезды вешают на грудь
Скале отвесной.

Где плющ ползучий не смешон,
А непреклонен,
Когда он лезет на рожон,
Содрав ладони.

И кто-то прячется за дуб –
Пройди, посмей-ка...
И пробует тебя на зуб
Судьба-индейка.

В парке

Сидят на солнечной лавке, кругом капель.
Он – старенький ламповый телевизор,
Она – юная плазменная панель.
Разве – не вызов?

Все видят: и там и тут чудо-погоду передают:
Апрель, подснежники, день ото дня теплее...
Но на одинаковость прохожие не клюют –
Становятся злее.

Говорят про непреодолимый техно – разрыв,
Про взаимоНЕзаменяемость деталей.
По числу каналов она по-любому уйдет в отрыв –
Таких видали.

Телевизорам пора запретить появляться здесь:
Парк не ломбард и не торговый прилавок.
Нашел где выставляться – облупленный весь,
Без пульта вдобавок.

А они, как ни в чем не бывало, встают,
Идут по прозрачной аллее, неся на экранах цветы.
В аллее и на экранах одинаковые скворцы поют.
Кыш отсюда, скоты!..

И. Г.

Оставь кричать про тетку-глушь-Саратов...
Ведь беспринципный – не передовой.
Расчетливость – не взвешенность сократов.
А хваткий – знак неравенства – живой.

Ах, юноша! Ты счел житейским делом
Ревизию реликтовых основ...

Мне лучше – спать, царевне престарелой,
Все пальцы исколов веретеном.
Я больше не гожусь для противленья!
Молчать о временах и нравах чтоб,
Как в бункер ухожу в стихотворенье,
Где есть пещера и хрустальный гроб.

Пусть заповедный сумрак летаргии
Завесит геростратов торжество.
А заодно спасет от аллергии
На все, что дальше ложа моего.

Как сладко спать консервой-ретроградкой!
«Быть иль не быть?» – еще не весь вопрос...

Ты... зеркальце зачем обтер украдкой,
Которое к губам моим поднес?

...На круги мир когда-нибудь вернется.
Рискну проснуться. Может быть, проснусь.
Зову-зову...
Никто не отзовется.
Стучу-стучу...
Никак не достучусь.

Встреча

Что нас греет, то обычно и губит.
Ты стоишь, выпуская колечки в прореху штор.
Все, мой сладкий! До свидания на ютубе,
Куда ты когда-нибудь выложишь
мой позор.

Не злодей и не законченный циник.
Но велит обнажаться век-экsgiбиционист.
Каждый шаг – на стене, а не где-то в заоблачной стыни.
Каждый чих – на виду, даже если сопливчик нечист.

Говоришь: «Улетное селфи», мурчишь притворно,
В атлетических кубиках и загаре весь...
Я же чувствую себя лягушкой лабораторной,
В которой эротичное что-то есть.

Я не публична, тем паче касаемо адюльтера.
Все дерзновения – достояние личных пространств.
Я всегда в скорлупе, я инкогнито терра,
И моя посторонность – любимое из постоянств.

Ты кого-то лайкаешь в инстаграмме, троллишь в блоге,
Дергаешь смс-кой: привет-привет!
Одинаково трепетно говоришь об ЛГБТ и о Боге
И младенчески хнычешь, когда отвечают: «Нет!»

Как тебе удалось подвигнуть меня к размену?
Я считала, что шансов – ноль, а не сто из ста...

...Без проблем вытираешь все съемки, снижая им цену,
И с челом родниковым идешь танцевать у шеста.

Костер

Ветка березы надломлена
С треском сухим о колено,
Костру оголтелому скормлена –
Заполыхала мгновенно.

Душа ее искристо-алая
Вверх понеслась, дрожа...
– Ну как дитё малое!
Какая-то там «душа»...

В глазах твоих жажда жгучая,
Движения – как приговор.
«Болгарка» срезает сучья
И сразу сечёт топор.

В этом весьма надежное
Обеспечение тепла.
Ты сделаешь невозможное,
Чтоб пища у нас была.

Под натиском благополучия
Как-то пропал аппетит...

А белая дымка плакучая
К небу летит, летит...

Утешение

Я думала: ты велик,
А ты оказался – двулик.
Перетерпеть превращенье,
Чтоб «все по-старому» шло,
Известное до отвращенья
Женское ремесло.
Но я не сумела, прости,
И – канула без вести:
В двери мои не стучит
Его Величество Случай,
И телефон молчит,
Будто в вакуум включен.
Я помню твой быстрый смех,
Тайский загар на коже:
– Но так всегда и у всех,
Зря ты – себе дороже...
Ты, может, и был бы прав,
Но есть утешение вечное
У тварей земных, и у трав,
И у меня, конечно.
Есть утешение, и
Его я найду однажды –
Утешит все думы мои,
Все слезы мои, всю жажду...

Разборка

Упираюсь всеми четырьмя –
Злая, цепкая, остервенелая,
Между половинками двумя,
Жажущими слиться в целое.

И уже в слезах, крови, в пыли,
В миг, когда нас всех глотает мгла,
Восклицаю:
– Как они могли?
Вместе с эхом:
– Как она могла?..

В кафе

Меж затяжками говоришь, что тебе фиолетово.
Отодвигаешь подальше и оливье и пиццу.
Руки дрожат, выдавая: хочешь того и этого,
Но лабрет неудачный в губе, как назло, гноится...

Спрашиваешь, можно ли как-то убрать туннели¹?
Чтобы без денег и мочки потом подправить?
Поздравляю, мы наконец повзростели,
Ни крест, ни пробу нечего на нас ставить.

По счастью, у меня родственник в одном ГУЗе²,
Отделение челюстно-лицевой хирургии.
Но там не тату-салон, он по полной нагрузит,
Мол, голову надо иметь, такие-сякие...

Только туннели? Может, и пирсинг в программе?
Все будет. Не из-за прекрасных глаз:
Давай-ка, девочка, звони своей бедной маме,
И не когда-нибудь – прямо здесь и сейчас.

Ты берешь мою трубку – своя в долговой отключке.
Сосешь через соломинку пиво в дверях кафе.
И на ветру, будто лист за ветку, держась за ручку,
Что-то лепечешь минуты три. Или две.

Я с удовольствием даю тебе все телефоны
И адрес, куда рано утром слетаешь.
Все хорошо. Да прекрати смотреть, как с иконы,
Словно это я пропаду, а не ты пропадаешь...

Хочешь, бульон закажу? Хоть чем-то влистила...
Ты тут питайся, а у меня дела.

...Скоро я обнаруживаю, что маме ты
не позвонила...
Вот же засранка! Снова всех провела.

¹ Туннели – здесь круглое украшение большого размера, обычно устанавливается в месте прокола. После удаления требуется реконструкция мочки уха.

² ГУЗ – государственное учреждение здравоохранения.

Разговор

Она: «Завалишь ЕГЭ, на стройку пойдешь, так и знай!
С девяти до шести холод, всякая сволота...»

Он (надевая наушники): «Только не начинай!»
И шумовкой лезет в аквариум – осчастливить кота.

Она: «Вот куда деваются склярии, брысь отсюда, дрянь!
Не на бюджетное место, так – в армию,
там деды, голодуха...»

Он (увеличив громкость): «Мам, ну хоть сегодня отвянь...»
Идет в коридор к обиженному коту и чешет его за ухом.

Она: «У меня ипотека, комп твой в апгрейде,
рваные сапоги...
А ты нарисуешься дома, и вместо учебников – танчики».

Он (срывая наушники): «Все-таки вынесла мне мозги!»
И уходит, буркнув в дверях: «Останусь у Анечки».

Выбегает на улицу на глянцевый весенний лед.
Дворник-таджик: «Маленько! Я тут не посыпать!..»

Он: «Курнуть найдется?»
Ведь, если попрет,
Его будет уже абсолютно никому не достать...

Бабье лето

Оттого что солнцем почему-то
Обошли сентябрь при дележе,
Смута, смута, ах, какая смута
В зябнущей, как веточка, душе.

Где ты заблудилось, бабье лето?
Где твое волшебное тепло?
Легкие намеки и приметы,
Что не все остыло и ушло?

Где ты, осень, перед умиранием
Пляшущая в платьице весны?
Ветер, дождь... Напрасное старание –
Ожиданье солнечной блесны.

И, жалея, взрослый мой сыночек
Все твердит:
– Остынешь у окна!
И пейзаж, по-моему, не очень –
Серая бетонная стена...

Осень. Прогулки

...И удивлюсь я лиственнице желтой,
Похожей на драчливого котенка.
Взъерошенная налетевшим ветром,
Она как будто чем-то недовольна,
Но – недовольством оптимиста... Я
Пройду туда, где в клумбе сиротливой,
Прихваченные молодым морозцем,
Еще живут осенние цветы.
Как добросовестно они подняли
Озябшие задумчивые лица,
А в середине клумбы, поднимаясь
На крепкой каланче-ноге, подсолнух
Трясет не облетевшей бородой...

Ф.Н.

Что, дружище, мне хочешь впарить
В дни такие – все окна настезь?..
Я иду, человек в футляре,
От внезапного солнца застась.

Снова стекла моют хозяйки,
На ветвях набухают почки.
Это осень играет в прятки
И водить ни за что не хочет.

В парке, заморозком подточен,
Куст сирени тайком цветет.
Реноме у снега подмочено –
И в чашобе вот-вот сойдет.

Не артрит обострился – зрение.
Вон – Орловы летят, как птицы,
И глядят с колеса обозрения...
Предлагаешь присоединиться?

...Я не верю надеждам снулым.
Свой футляр закрываю тихо,
Чтоб не слышать твои посулы.
И какая же я трусиха...

Стрекоза

Стужа ранняя. Ветер в спину,
Знай, подталкивает к норе,
Где как мамонт – во льду загну.
А могла бы – застыть в янтаре...

А могла бы, попав в оправу,
Из оклада на мир смотреть...
Ты лишил меня, Боже правый,
Счастья вовремя умереть!

Скажешь, летом все пела, пела,
Поубавлю ей пыл да спесь...
Меньше меньшего я хотела
До снегов надрываться здесь!

Но с Твоей же руки, несомая
Свежим ветром за грань крезы,
Зазвучала теперь – невесомая
Лебединая песнь стрекозы.

Неуместная, чужеродная,
Не под кущами – на плацу...
Словно ниточка путеводная
Приметелилась вдруг к лицу...

...Ветер гонит вперед рывками,
Не играя со мной в поддавки...
За какой-то хватаюсь камень,
Ветку выпустив из руки.

И в пурговом кружении мгlistом,
В свете вечных философем,
Все пою – удивительно чисто.
И готова плясать затем.

Первый снег

Я хотела к вам прийти, я не даром позвонила,
Я купила цинандали, сочинила пирожок.
Даже вышла из подъезда, и...
до вечера бродила,
Созерцая, как порхает новорожденный снежок.
Этот город я любила (а вчера была не в силах!),
Я во все глаза глядела, как он девственен и чист...
Тула ангелов небесных на гастроли пригласила,
И трамвай везет галерку, обоснованно лучист.
Электрической подсветкой прорисован абрис зданья.
В желтой рампе театральной снежных духов суетня...
Начинается «Щелкунчик» – с детством милое свиданье.
Так что в гости – не сегодня! Разливайте без меня.

Дворник в тумане

Белым-бело, белым-бело на свете,
Ни пятнышка, чтоб зацепиться взгляду.
Не приближайтесь, я прошу, не надо:
Ведь вы сегодня – одинокий йети.

Ваш силуэт в туманной пене груб.
Мне кажется циклопом красноглазым,
Покуда глаз, докуренный до губ,
Не улетит в сугроб, погаснув сразу.

На что вы мощной дланью оперлись?
Не угляжу отсюда, виновата...
Ах, только б это не было лопатой,
С которой вместо посоха срослись.

Вы дворником уже сполна побыли.
Пока туман рассеивает зреньё,
По своему иначе усмотренью
Прохожих, здания, автомобили...

Петрович

Петрович смотрит политические ток-шоу
До полуночи, из последних сил,
И к утру страдает самооценкой ежовой:
– Эх, опять что-то главное упустил...

Ему нравится, как вопит Жириновский,
И рассудительная дамочка – Яровая.
Глазьев хорош. Тем более – Сатановский.
Но за кем же истина как таковая?

Почему она не рождается в этих спорах?
Какой путь правильный для страны?
У каждого – гениальных идей ворох,
Но все – взаимоисключены...

Такие умные, а вроде как в дураках –
Не отвязали экономику от нефтяной цены...
И у кого на самом деле козыри на руках –
От заморозки пенсий до – не дай Бог! – войны?

Петрович в полной прострации идет в огород,
Сажает картошку, лук, базилик с анисом.
Хорошо!
Что опустишь в землю, то и взойдет –
Без сюрпризов.

Как ваша дружба старая крепка,
Ложь, клевета, измена и утрата!..
Но есть на свете лишь одна тоска
(Сказать вернее – лишь одна награда):
По рыбной заводи, по сосенке в смоле,
По клейкой зелени на свежей грядке...
То есть тоска по этой вот земле.
Стою на ней, и значит – все в порядке!

Он зарубит красного петуха,
Самогонку по шкаликам станет лить.
Скажет: «немка» нынче совсем плоха,
А «русичку» мы по зиме снесли.

Оставайся, скажет. А помнишь, как?..
Все устроим, какие у нас года...
Отвезти на станцию? Так-растак!
Ты с такой же бусорью, что тогда.

У погоста трактор остановив,
Колька грузно спрыгнет – «порядку для».
Поклонюсь «русичке» – своей любви:
Будь лебяжьим пухом, сыра земля.

Было, да сплыло – давненько или вчера?..
Тарахтит до станции «Беларусь».
Я вернусь и пойму, что почти пора...
Я когда-нибудь
 после
 вернусь.

Девять баллов

Будут открыты америки,
Сменит течение Гольфстрим...
Все мы немного брейвики¹,
Если в пробке стоим.

Чего нам вернее хочется
При повороте ключа?
Полного одиночества,
А не родного плеча!

Ведь не СИЗО, не зона,
(Хоть и не цирк шапито),
Но мы всегда робинзоны
В утлых своих авто.

Под перебрех клаксонов
Пялится светофор...
Тьмы и тьмы «робинзонов»
Метят уйти в затвор.

В пробках прибить готовы:
Ни к кому не вяжись...
В девятибалльных снова
К черту уходит жизнь.

...На леденистой трассе
Скоростью снимем стресс.
Снова возможно счастье,
Червонный интерес...

Вдоль вихревых обочин
В трубках сплошной банзай:
– Здравствуй!
– Люблю тебя очень!
– Только не исчезай!

¹ Андрес Брейвик – норвежский террорист.

Управленец

Он как летний вихрь мимолетен:
Сливки снял, и – ищи-свищи...
Ему тридцать три. Он на взлете,
Управленец серии «Временщик».

Где кормушка глубже, там и он.
Ничего не умеет, то есть – руководит.
Служебный BMW, кабинет-стадион...
Что он там делает? Так... Сидит.

У него врожденное чувство обоймы:
Попал в нее, и – крутись!..
Руководил санаторием, скотобойней,
Спиртзаводом, газетой «Трезвая жизнь».

Из нужных понятий усвоил одно –
Деньги надо делить просто и ясно:
Максимум – вверх, минимум – на дно
И чтоб осталось на булку с маслом.

То на горных лыжах словит солнце,
То под оливами листнет журнальчик...
Легко встречается, легко расстаётся –
Ему всего тридцать три.
Он – мальчик.

Кто там нудит про экватор жизни,
Время Проповеди и Креста?..
В казино или боулинге зависнешь,
Вот, собственно, и вся мутота...

Yes! – повышение.
(Секретарь беременна,
Передовик уволенный совершил суицид...).
Он – постоянен, остальные – временны.
Джекпот у того, кто камушком не лежит.

Так и будет: взлет – высота – разгон...
Пока от столба встречного череп не затрещит.
Тогда в операционную войдет его клон –
Хирург серии «Временщик»...

К губам нашим липнет зло мира сего,
Живем – через скотч хрипя...
Лишь молния бьет без команды того,
Кто кличет огонь на себя.

Как только выйдут из употребления
Понятия стыда и чести,
Исчезнут эти самые явления.
И тут
не обойдется
без возмездья.

Взгляд

Нам будет вечно не хватать,
Чтоб сладко есть
и мягко спать.

Быстрее белки в колесе
Мы вертимся по жизни все,
Откладывая на потом
Ту встречу с ивовым кустом,
Что переходит вброд ручей,
Где даль – ничья
и дым – ничей...
Оттуда виден старый храм,
Дождям открытый и ветрам,
С березкой, выросшей притом
На крыше, рядышком с крестом.
Там ангел смотрит со стены
Очами свет-голубизны,
Где только жалость с состраданием
К засуетившимся созданиям...
Куда он звал?
О чем он пел?
Что нам поведать не посмел?
Неужто даже и в раю
Опять набьем мошну свою?
Нам вечно будет не хватать,
Чтоб сладко есть
и мягко спать.

Сказка-монолог о богаче и его заморском госте

– Вот он, мой кошелек-самотряс.
Вот и скатерть моя самобранка.
Вот и гусли мои – перепляс
Начинают играть спозаранку.
Вот диковинка – лук-самострел.
На ногах сапоги-сороходы.
А в озерах моих – ты смотрел? –
И живые, и мертвые воды.

Все-то есть у меня, все-то есть,
И диковин, и денег не счесть.
Почему ж ничего не хочу,
Бью рабов да ногами сучу?
Захотел... Ну и что? Тут как тут
Мне с поклоном рабы принесут.
Потерял аппетит, интерес
Из-за этих чудес-нечудес...

Я однажды, наследство кляня,
Убежал в самой драной рубахе.
Так рабы возвратили меня
Во дворец и – простерлись во прахе...
Мой спаситель, заморский мой гость,
Ты не вешай парик свой на гвоздь

И очки на ковер не клади...
Выручай-ка – дворец захвати!
А меня изгони ты в народ,
Чтобы я на работе потел,
Лес рубил, разводил огород...
Чтоб я есть, чтоб я пить захотел,
Чтоб была хоть какая мечта!..

Ну куда ты, эфенди, куда?
Да сиди, не дрожи, не блажи,
Не крутись – под тобой не ежи.
Не тверди, что сошел я с ума,
Коль мила мне пустая сума...
Не ори!..
Ах, ты так!
Ну, держись!
Пропадай твоя глупая жизнь!
Эй, ко мне, мои верные слуги!..
.....
Ох, чего не отрубишь со скуки...

Наследник

У него и парфюм, и занятия – французские:
Курьер, гарсон, шансонье, сомелье...
Он носит серьгу, косуху, брючки узкие
И приходит в банк за процентами, как рантье.

Вклады пока еще не его, а дедовы
(Разработчик оружия, лауреат всего...),
Как и психоделическая студия в Домодедове,
Где, кроме ноута и матраца, нет ничего.

Дед появляется по-хозяйски, без звонка.
Увидит кальян с укропом и – обтекает...
Сидит, сидит... Крутит пальцами у виска:
– Как на тебе природа-то отдыхает...

Просто достал постоянный голимый понт...
И чего ему не сидится в Туле?
Говорит: надо тебе в армию или на фронт,
Там бы мужики сразу переобули.

А ведь знает про сильные линзы, белый билет.
Мало из его хваленого «Корнета» людей убили?..
Это не дед, это какой-то электронный браслет,
Который подследственному нацепили...

Дед то и дело прикладывает ладонь к груди.
Глядишь, на обратной дороге и склеит ласты...
...Вечером без стука войдет Ванесса Паради,
Они выпьют по божоле – и будет классно.

Воздушный пузырь

За нашим домом снежный пустырь,
Огромная ходит луна.
Мальчишки пустили желтый пузырь,
В котором свеча видна.

Пламени крошечный язычок
Греет воздух внутри.
Пузырь поднимается вверх, причем –
Как взрослые пузыри.

Дитя воздушного шара, беглец,
Планида твоя проста:
Свеча погаснет – всему конец!
Но это – еще когда-а...

Полной свободы счастливый миг!..
Сияй же, звезда полей!

Скоро пузырь телецентра достиг –
Его габаритных огней.

Потом повторением полной луны
Отважно повис в вышине –
Какое-то время они равны
По яркости, величине.

И с толку сбитый барбос, что скулил
У белой глухой стены,
Такого вдруг петуха пустил
Сразу на обе луны!..

Затем пузырь завилял, как вор,
В облачном миткале,
И ты сказал, выходя во двор:
– Ну, ведьма на помеле...

Заезжий священник, на требы спеша,
Крестится: «Свят-свят-свят...»
Одни твердят: улетаёт душа,
Другие – стоят язвят.

Пока он с глаз не пропал совсем,
Было, казалось, светло...

Наутро телек поведал всем
О брющем НЛО.

Зависть

Так хочется скульнуть по-пёсьи –
В ладонь. Или припасть к ноге
Соседки, что во двор выносит
Кусочки снеди на лотке.

А по утрам великодушно
Микширует на этаже
Коктейль «Спасите наши души»
Для всех котов без ПМЖ.

Я ей завидую
(Но все же –
От возмущения ярясь...),
Что видит в них созданья Божьи,
А не инфекцию и грязь.

Нашла же способ быть полезной
(Как, для кого – другой вопрос),
Востребованной, интересной
И ожидаемой – всерьез!

А тут... Зайди с любого бока
К друзьям, коллегам – не нужна.
Я даже больше одинока,
Чем одинокая она.

Семья – загадочная штука...
Есть муж и сын, живем не врозь.
Но словно лебедь, рак и щука
Неэффективно тянем воз.

...Как в зависти своей фатальной
Соседку-душку превзойти?
Быть может, грызунам подвальным
Объедков свежих отнести?

Они ведь тоже Божьи дети,
Им так же нужен стол и кров.
Раз расплодили, то в ответе
За всё – до мух и комаров!

Но тут же стервой активисткой
Звоню, звоню (как кто пришел!)
В то управленье по очистке,
Где Шариков котов душил.

А вечером свою соседку,
Оплывшую от слез, карболки,
На лестничной встречаю клетке.
И так злорадствую!
А толку...

Хлеб

*И кто-то камень положил
В его протянутую руку...*

М. Лермонтов

– Подайте страдальцу копейку на хлеб, –
Просит бродяга гражданку.

– Давай-ка, милоч, я куплю тебе хлеб,
Ситный батон и буханку.

– Пошла ты подальше с батоном своим,
Мне деньги нужны, а не булка!

– Каков грубиян! Вот и жертвуйте им...
Повыгнать таких с переулка!

– Лежу где хочу! Я в свободной стране!
Всего-то – разжиться фунфыриком мне,
И выйду на точку при храме...

– Эх, зря вам в ограде целковый дают,
А не ржануху в шапку суют...

– Тогда уж пожалуйста – камень...

Травести (монолог в аэропорту)

– Сыночек, немедленно возвращайся!
Можно и здесь хорошую работу найти.
В Турции не нужны травести, не обольщайся...
– Абонент вне зоны действия Сети...

– Сынок, по наивности, не перепутай
Сцену с борделем, Господи, защити!
Там свои трансформеры да лилипуты...
– Абонент вне зоны действия Сети...

– Отец дошел до полного идеотизма:
Решил из клуба в наручниках увезти...
Но служажке не до гендерного акробатизма...
– Абонент вне зоны действия Сети...

– Да и ваш постановщик предупреждал,
Зачем на курортах нанимают травести...
В клубе ты был на месте, он тебя ждал...
– Абонент вне зоны действия Сети...

– Умоляю, сыночек, не делай этого...
Приземлишься, на обратный рейс, и – лети!
Я не уеду, буду ждать тебя в Шереметьево...
– Абонент вне зоны действия Сети...

Все уже написано, друзья.
Так о чем я, Господи прости?

В направленье просто бытия
Обе стрелки встали на шести.
Паутину собрала в углах,
Пообщалась незамысловато...

Ухожу
(– До скорого!
– Всех благ!)
В поисках спасительного ада.

Фаустина

Поэма

На свете счастья нет. Покоя, воли – тоже.
Да есть ли, наконец, и самый белый свет?
Из дома выхожу – темно совсем, о Боже...
С работы выхожу – темнеет, света нет.

Старушка и кот

По снегу, скрип да скрип, четыре остановки
В дешевый гастроном (где свет и кутерьма).
Рогаликов беру, яиц две упаковки
И вискаса пакет, а лучше тоже два.

Я, в общем-то, не гость, вернее – гость не редкий.
К Авдеевне когда с работы захожу,
Мне чайник разогрет, и вяжется жилетка,
А значит, хоть чуток, но все-таки сижу.

Авдеевна и кот с ползучим рыжим мехом
Глядят на белый свет (хоть нет его, хоть есть...)
Из тусклого окна, где форточки прореха
Заделана, чтоб тот не смог в нее пролезть.

С Василием они одни на белом свете.
Сам – на ЧАЭС служил, сгорел до черноты...
А в високосный год поумирали дети:
Один погиб в Чечне, другой – от наркоты.

Приходит иногда гражданка из собеса.
Да пенсия пока не больно хороша...
По праздникам – лишь кот, проныра и повеса,
А вискас принесут – так сущая лиса.

...Включили фонари. До дому выдвигаться
Могу, ведь допит чай, одобрен вновь жилет...
В пакете у меня остались те же яйца,
Рогалик обсыпной – теперь один комплект.

И снова, скрип да скрип, спешу на остановку...
Снежинки душем льют из желтых фонарей.
Авдеевне куплю салаки упаковку –
Посмотрим, что коту понравится быстрее.

Мне вечер вечно мал, и в этом вся загвоздка,
Хоть нету ни детей, ни мужниных котлет...
Есть письменный мой стол и лампа-вертихвостка –
Единственный мой свет (эх, жаль – стоп-крана нет...).

Я улучшаю свой кусочек Мироздания:
Из хаоса то ямб, то дольник – каково?
Гармонии растет невиданное зданье,
А строфы – это все кирпичики его.

Гармония должна быть главной заботой.
Но как над ней корпеть в поту всего лица?
Ведь утром, скрип да скрип, на чертову работу,
Да и сейчас – пойду поджарю два яйца.

Вещий сон

...Мне снился странный сон. У Королевы Снежной
В свинцовых льдах томлюсь, и рядом грустный Кай.
Он «Вечность» дособрал худой рукою нежной.

– Бежим, – твержу, – бежим!

А он:

– Не отвлекай...

Он к слову «вечность» «плюс» нарочно приставляет,
И стужа – навсегда, оледенению – быть!..
Сердечко у мальчика вовеки не растает,
И Гердиным слезам его не растопить...

Чего он с «плюсом» влез на этом циркуляре?..

...Иду по темноте не разлепляя глаз
Туда, где, скрип да скрип, рождественский фонарик
Над баннером горит: «Работаем для вас!»

Дистанция всегда имеет форму круга,
Где дни, как близнецы, не разнимают рук...

И письменный мой стол – единственного друга
Я снова предаю блужданием вокруг.

Что бросить я могу, чтоб сэкономить время?
Не есть? Не пить? Не спать? Работу? Все дела...
Уже петух клюет не в задницу, а в темя,
И я от этих ран почти уже слегла.

Ах, кто мне поручил участок Мироздания,
Конструкцию напел воздушнее безе?
Мне с ним не подфартит короткого свиданья?
Узнать хочу, как жить, чтоб выполнить ТЗ.

Разговор с чертом

Мороз сегодня крут, и снега – прямо горы...
– Коллега, как проект?
– Я все решаю влёт...
Но кто это меня из-за угла конторы
То пальцем поманит, то вроде подмигнет?

Как Джигурда гриваст и в кожу весь затянут.
Не спал, видать, давно – багровые глаза...
– Я... персональный черт. Я к ночи был помянут.
Я – креативный ваш продюсер, так сказать.
Спешу вам предложить прекрасное решенье
Всех творческих проблем (ведь жизнь почти прошла!).
И хоровод из муз с их бездной вдохновенья
Закружится вокруг дражайшего стола.

– Как в «Фаусте» заход... Где расписаться кровью?
– Не будем усложнять. Работаем для вас...
Созвучия придут – хоть та же кровь с любовью,
Но вот любовь – свою! – забудьте. Сей же час.

– Да я и не люблю...
– Мне донесла разведка.

Не любит

вас никто,

включая полутьму...

Я о любви иной, не столь, как эта, редкой –
О чувстве вообще – ко всем и ко всему.
Ей наделил людей идейный мой противник.
Согласен человек в аскезе пребывать,
Но старым топтунам, которых нет противней,
И мерзким их котам салаку добывать!

– Авдеевна при чем?

– При всем. В ее юдоли

Есть безусловный плюс: по простоте – покой.

А вы, считай, в аду: ни денег нет, ни воли,
Да и покой... Какой, ко всем чертям, покой?

– Иначе что?

– А то! Дорожку позабудьте

К старушке. Пусть живет – с той стороны Луны.

И все! Сплошной ажур... Ах, да! Не обессудьте,
Но этот снег любить вы тоже не должны!

Белка и колесо

С работы, скрип-скрип-скрип, четыре остановки
В дешевый гастроном (где света благодать).
Рогалик обсыпной, салака в упаковке
И семечек кулек, чтоб вечер скоротать.

К Авдеевне спешу расстригой Фаустиной,
По кругу своему почти уже бегу.
В снегу до самых крыш родные палестины,
А не любить снега я просто не могу.

От них куда светлей!
Легчайшая поземка,
Боясь, что наступлю, старается взлететь...
На лавочке сугроб, не лавка – скопидомка:
Запаслива, да так, что некуда присесть.

Сегодня фонари аж засветло включили.
За стол, скорей за стол – задача мне ясна!
Но как тогда они – которых приручили?
Стоят и смотрят из промерзшего окна.

Старушка ждет меня, и сериал на Первом.
Просила на канун записки отнести...
И это все – в аду?
Быть может – в круге первом...
А их, как говорят, не меньше девяти.

Мне не преодолеть всех беличьих инерций,
И музам послужить придется в суете.

Я никакой поэт, но не остыло сердце.
К тому же... кто ж еще... припомнит... о коте...

Как знать – что́ прах и тлен, что самое святое?
Что бросить, что нести под званием Креста?
Но знаю точно я: гармония не стоит
Урчанья в животе голодного кота.

А творчество и есть – любовь, ни что иное.
(Тот красноглазый черт не графоман? Тьфу-тьфу...)
Она же в ранге «долг» – причина долгостроя:
Строфа к строфе в строфу на строфы под строфу...

Потерпит – не впервой! – делянка в Мирозданье.
И письменный мой стол, суровый ригорист.
Не черт же мне давал то самое заданье!
А Бог, надеюсь, не
последний эгоист.

Беги же, мальчик Кай! Оставь затею с «плюсом».
У вечности к котам неважный пиетет.
Гармония растет, но не быстрее флюса.
Иначе что? А то!
Тушите свет!..

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

Помарки на полях

Опять не уложилась в парадигму:
– Совсем ку-ку...
– Чудна-а я!..
– Анекдот...
Я не умею в ногу, только – в рифму.
А тронулся в России даже лед.

Собственность законом охраняется.
Я – одной себе принадлежу.
То-то мне тоскуется, икается,
Если из себя я выхожу...

Что плохому танцору мешает?
Лишь достоинство, надо учесть...
Вот и Родина – столь большая,
Что у каждого малая есть.

Моя хата с краю

С Россией перспективы неясны –
Соборность наша как рядно ветшает...
Нет СССР – вместительной страны,
И хаты оказались – с краю.

Незавидный достался мне выдел –
Нет чужее своим, чем я...
Может, Бог меня все же не выдал?
Ведь
 родная
 съела свинья...

Ну и что, что – было? Было – и прошло.
Все-то отсвербило, все-то зажило.
Пластырем лепилось, пластырем рвалось.
Время не ленилось – кон-чи-лось!..

Лишь – такая малость! – в глубине души
Ма-а-аленькая старость шебуршит.
Мышкою-норушкой, первой из проныр...
Выходи, вострушка!
Мышеловка. Сыр.

Письмо
(из Преисподней?)

«...Если в общем, то все – в ажуре...
На судьбу пенять не пристало.
Ведь пока с меня драли три шкуры,
Целых семь взамен нарастало.
Так чего ж мне рыдать по раю?
Я и тут ничуть не грущу:
Саламандрой в огне не сгораю
И ...надцатый хвост ращу...»

Правда

Прав был Федор Михалыч:
Человек – подлец,
Ко всему привыкает.
Разве не молодец?

Счастье

Сижу с собой – от века прячусь.
И вот же: не надоедаю!
Так пред собою раскорячусь,
Что и часов не наблюдаю...

Этапы творчества

Дебют

Стою прищурившись,
Чтоб видеть пристальной,
И мне не справиться
С оцепененьем,
Покуда полночь
В меня не выстрелит
Новым стихотвореньем.

Фига

*Талант должен быть голодным
х\ф «Автомобиль,
скрипка и собака Клякса»*

Поэт обязан быть голодным,
Чревовещательно глубоким,
Анорексично беспилотным
И обморочно волооким.

Ликуй, читатель!
В умиление
Открой да и... захлопни книгу.
Ведь ты найдешь там утомленье
И серо-голубую фигу.

Дитя

Тщета занятий непреложных
Ясна как Божий день. Но тут,
При
 этой
 жизни,
Невозможно
Остановиться: нас ведут.
Поэт – дитя. Бежит за взрослым,
Что понукать привык рывком,
И сопли на ветру морозном
Размазывает кулаком.

Вера

Самотрясом золотым звеня,
Фанатеет вера раз от разу,
Что читатель любит и меня,
Но... не объясняется, зараза.

Завещание

«...К концу терпения резинового
Еще разок меня издашь
И вместо колышка осинового
Забей мне в сердце карандаш».

Love Story

Когда мы чушь прекрасную несли,
С седьмого неба Отче нас сверзал,
Чтоб здесь, не отрываясь от земли,
Ответили за пламенный базар.

Ты мне верен, знаю, ты мне верен!
Не пугайся, это я в бреду:
Собственным ключом открою двери,
В комнату на цыпочках войду.
И за то, что в ней окурки всюду –
Ждал меня, забылся тяжело, –
Так тебе я благодарна буду,
Словно по-другому быть могло...

Семья

Звучат то смех, то плач,
Трещит кровать-татами:
Там жертва и палач
Меняются местами.

Вновь приплетаю
к молениям простым
Шепот проказницы-сводни:
Боже, сделай его святым,
Только прошу –
не сегодня!

Признание

Что? Влюблена в тебя? И до беды –
Вот-вот? Сил выжить хватит ли?
Сдается мне, родной: задумал ты
Русалке бросить круг спасательный.
Как благородно-то... Но что ж
Не утаил ты «благородства»?
Я б предпочла – святую ложь,
Бестрепетную до юродства.

Соперница

То сочувствием обеспечит,
То закажет десерт к вину...
Так, касаясь, как будто лечат
Кровоточащую десну.

Но зачем лечиться-то? Воду
Гонит март, оседает снег...
Вот пройдет весенняя одурь,
Он опять вернется ко мне.

Все кончено

С «Мадам Клико» не приходи,
Не порть мне прелести отчаянья.
Лишь ты способен и кутить,
И... (пи-пи-пи) – по умолчанию.

Путь к трюизму

1

Повис над крышей розовый лаваш,
Аквариум тепло зажегся в комнате.
Зеленоватый сумрак, ужин наш...
Уйти бы надо... Только снова: «Помните?
А это помните?..»
Да, помню.
Так к ужу
В пасть тянется зверек, бежать не смея...
Уйти бы надо. Тихая сижу,
Покорная, как стебли элодеи...

2

Эх, будь что будет!..
Отогрей меня!
Как холодно!
Дыши в ладони.
А-а!
Сколько вырвалось огня
Из головы твоей драконьей!

Спалил.
Что ж сердца не достиг?
Лишь запах серы вьелся в кожу...

3

Нет сил?
Придут.
Живи без них.
У нелюбимого просить –
Себе дороже.

Палка для селфи

Селфи с палкой – по определению
Фотосессии не сложнее,
Если нет уже в поле зрения
Ни синичек, ни журавлей...

Не отметят такой сценарий
Необычность да сумасбродство:
Собираюсь в дорогу – ударить
Бесприютностью по сиротству.
Оторвусь от всего тошнотворного,
Однозначного, как тюрьма,
И на фоне бархана двугорбого
Бойко щелкну себя сама.

Рассвет в долине Гиза

Солнце встает в тишине и беспечности,
Легкий туманец на нем – как пушок...
Детский пушок на щеках
Вечности...

Господи, как это

хорошо!

У ног сфинкса

Каменный. Красноватым песком приметелен.
Вечный. Провиденье, скрытое в древнем резце.
Что в этом львином разящем бестрепетном теле,
В женоподобном лукавоглазом лице?
Время безжалостно. Но и, поюзанный с виду,
Сфинкс на загадки непревзойденный мастер...
Ну же, откройся, сезам, будь моим гидом,
Сторож надменный мертвых единовластий!

Вижу: над Нилом еще небеса не сносились:
Ныне и присно среди человеческих скорбей
Сходит дождями на землю щедрый Осирис,
Неутомимо катит свой шар скарабей...

Попутчик

Артефактами и видами манкируя,
В ореоле вечной папиросы,
Ты идешь, одну меня фотографируя,
Арапчонок черноволосый.

Бесполезен данный интерес:
Я же волк, что вечно смотрит в лес...

Глупый вопрос

...Ценою жизни ночь мою
Царица Клеопатра

Сколько лет мне?
Да как посмотреть...
Я в пирамиде вряд ли изменилась бы...
Никто не купит ночь мою за смерть?
Так ведь и много раньше не купили бы!
Не Клеопатра, что ж о том жалеть!
Вот только ретивое не разыграет:
Сама б купила чью-то ночь за смерть,
Да современные цари – не предлагают...

Затмение солнца

Как белый раб пред господином черным,
Чтоб лбом коснуться грозной его тени,
Сжимался день испуганно-покорный
И
 опускался
 на колени...

На прикол

Эпоха эта мне не по плечу.
И, внутренних сторонник эмиграций,
Сама себя собой в себе лечу –
Пора к родным пенатам возвращаться.

Алгоритмы

1. Переберу.
2. Отброшу.
3. Отсею.
4. Дочиста отцежу.
5. Поставлю на карту.
5. Рискну.
6. Посмею.
7. Больше не прогляжу.
8. Примусь за главное в главном деле.
9. Определю звезду.
10. Сегодня.
11. Завтра.
11. На той неделе.
12. После.
13. Как время найду.

Медаль

Самое компетентное мнение –
На третьей стороне медали.
И это – мое, без сомнения.
За что мне медаль и дали...

Роман

1. Писал всегда – не соблюдая правил.
Вот и сейчас: так дерзко и неожиданно
Рукою твердой точку ты поставил
К последней букве нашего романа.
2. Как будто бы не знал, что
содержанье,
Хранится в книге, как повтор в куплете.
Глава и номер – разве не свиданье
С тем, что успешно растворилось в Лете?
3. Переверни и этот лист, последний.
Каков тираж,
кто автор милых бредней,
Почем скорлупка в съеденном яйце...
4. Да!
Наш роман – в постскриптуме, заочно
Еще продлится.
Я-то знала точно,
И – ничего не дрогнуло в лице...

Поменяю явки и пароли,
Залягу на самое дно,
Чтоб меня искали поневоле,
Раз не ищут добровольно.

Лежачий камень

1. Из глубины веков.
Фундаментальный.
Краеугольный.
Абсолютно натуральный.
Незыблемый.
Единственно нормальный.
Пример для подражания идеальный.
2. Замшелый лузер.
Тип асоциальный.
Вчерашний день.
Балбес провинциальный.
Не креативный.
Не универсальный.
Ноль баллов по системе пятибалльной.
3. Как мы спешим с оценкой завиральной,
Поверхностной, короткой – оптимальной...
Ужель мы не уложим в голове
Ни этой неподвижности фатальной,
Ни кротости, быть может – гениальной,
Ни равнодушия к людской молве?..

Credo

1. «Живите сегодняшним днем».
2. «Готовьтесь к худшему...»
3. Услышим, согласно кивнем,
4. И – свято поверим в лучшее!

В клубке газетном

Ветер играет газетным клубком –
В стену метнет, в траву...
То навзничь падаю, то ничком –
Я в этом клубке живу.

Чувство меры

Мой уважаемый коллега по перу,
Боясь быть легчевеснее хлопушки,
Кричит: «Все, что шевелится, деру!...»,
И, знай, по воробьям палит из пушки.
А я – чирикаю, как воробей,
Когда вокруг грохочет канонада.
И большего не смею, хоть убей.
А может, даже этого не надо...

Казус

В профессии второй древнейшей
Есть казус – повод всякой свары:
Чем старше и зловредней гейша,
Тем полновесней гонорары.

Стажер

Откуда – не знает наука! –
В генетике недогрузка...
Мать сукина сына – сука,
Сын кузькиной матери – Кузька...

Издержки профессии

Опять от словоблудия шалею,
Пока с моим коллегой идем...
Когда ж лечить возьмутся логорею
Надежным хирургическим путем?..

Редактор

Ага, отлились овечьи слезки!
Что, волк позорный, ты не удел?
Спитой чаек, полпапироски –
За весь редакторский беспредел.

Держи-ка булку – икрой намажу.
Сок через трубочку удобней пить.
Приду, конечно... Что доктор скажет.
Какие именно? Могу купить.

Выйдя в тираж

Осмотрюсь цепенеющим взглядом.
В угол сдвину выползок старый.
Вспомню близких и дальних гадов
И засяду писать мемуары.
Как в клубке нашем было тесно,
Кто свой собственный хвост глотает...
Пусть я жалю в заднее место,
Но яда – на всех хватает.

Мне ближе партия зеленых

Меркурий

Чуя повсюду следы человеческой дури,
Морщась от взрывов, покашливая в дыму,
Смотрит с укором на Землю красный Меркурий –
Не по себе в галактике даже ему...
Жалобы самой мирной из всех планет
Люди не слышат в конкурентном угаре:
– Как я устал... Никакого житья от вас нет!
Можно потише? Все-таки не на базаре...

Письмо

На шарике земном уже не до игры.
На шарике, готовом улететь в тартарары,
За все, что было, я тебя прощаю.
За все, что будет, я тебя прощаю.
Любить тебя дотоле обещаю,
Доколе светят горние миры.

P.S.

По получении не мешкай – напиши.
Прости и ты меня от всей души.

Наследство

*Жадность пожирает землю
и оставляет за собой пустыню.
Индейский вождь Сиэтл, 1854 г.*

Что мы оставим в наследство потомкам своим?
Деньги. Машины. Дорогие жилища.
Руины бесценной Пальмиры и едкий дым
По-над пустыней – с бескрайнего пепелища...

На малой родине

...Один бурьян! Бушует и кипит,
Разросся так, что задавил тропинку.
Лишь муравей, пригнувшись, пробежит,
И то – забыв нести свою травинку.
С кустов остывших разлетелись птицы.
Пусты и мутны наши небеса.
Пропали ласточки, журавушки, синицы,
А воронье летит – клевать глаза...

Где ты, речка-реченька, струйки с переливами,
С мелко-бело-каменным узорчатым дном,
С рыбою и раками, молчуньями-ивами,
С чистыми туманами?..
Кажешься ты сном.
Доверху наполнена сточными водами,

Серо-бурой слякотью на месте стоишь.
А по берегам твоим фабрики с заводами,
Банки да бутылки, язвы от кострищ.
Мне во сне видится: белье полоскаю,
На мостки кидаю, чтоб вальком отбить...
Вот беда-то, реченька: сынок подрастает,
Где же взять пленера, чтоб он мог любить?
Мать всегда выкрутится, было так сроду.
Включаю телевизор, сегодня выходной.
Пусть сидит дома и глядит природу.
...Не забыть побрызгать аэрозоль «Лесной»...

Прилетели

Никто ни в чем не стал противоречить,
А каждый третий был безмерно рад.

Но партия зеленых человечков
Перестреляла свой электорат...

ТАЙНЫЙ САД

Пастораль с вариациями

Как талисман в матрешке, мой сад в лесной глуши.
А углубись немножко, и – тайный сад души.
Хоть места и названья, да и аншлага нет,
Приходят на свиданье Ахматова и Фет.

Никто не скажет: «Глупо!», дразню ли я скворца,
Толку ли воду в ступе иль пью ее с лица...
Здесь не нужна оглядка – правишь на звезду!
Не робкого десятка я делаюсь в саду.

...Всех помянувши всеу, сажу у камелька
И карточки тасую, туманные слегка.
Не об успехах мнимых горит лампадки свет –
О близких и ранимых, которых рядом нет!

Приемлю все: и розы, и крест в моей горсти.
Да разве это слезы? Ну, может – радости...

Береза весной

Льет серебро распутица
В ручей у самых ног –
Береза, как распутница
У четырех дорог.

Стоит простоволосая –
С неприбранными косами,
Со снежно-белым телом:
Еще не загорела.

А ветер северный во зле:
Последний раз лютует.
Гнет за косы ее к земле,
Бесстыдницу такую.

Но снова – распрямляется,
Словно – удлиняется,
Чтоб солнца луч на грудь ей сел –
Дотронуться посмел...

И ветер ей свистит-кричит:
Покорность, мол, нужна!

И гнезда вьют на ней грачи,
И будит сок весна!

На развилке

Довезет автобус до развилки.
Прямо в грязь свалю свои узлы...
...Не видать еще кобылы Милки,
Ржавый глаз, скрипучие мослы.

Не пройти пока и не проехать,
Только в мае станет подсыхать.
Под березками везде остатки снега,
А на ветках – что-то вроде мха.

Нет – не листья, так – намек на листья,
Перышки, зеленоватый дым...
Где мелькает отсвет золотистый
Перелетным эльфом молодым.

Лес – еще не сказочные кущи.
Под ногами – старых сучьев треск.
Но извечный механизм запущен –
Пробужденья множества существ.

Все очнулось. Пробует движенье.
Перепархивает. Возится. Шуршит...
Возрожденью быть и размноженью
Под апрельским небом надлежит.

Но, топорщась, пробиваясь к свету
Из-под прошлогоднего листка,
Желтая звездинка первоцвета
Все еще без запаха пока...

...– И зачем нам веточки, цветочки?
Что, в Сычёво хуже образцы? –
Вот и Палыч.
– Очень рада, очень... –
С грузовой Милкой под уздцы.

Сычёво, Журавлевка, Меловой Раздел,
Выселки, Березовка – далее везде...

Деревеньки древние светятся в полях,
Снулыми созвездьями о пяти огнях.
Коротают в каждой век свой старики –
На подъем – не очень, на́ слово – легки.
Все понять пытаются: Родина-то, мать,
Как же умудрилась мачехою стать?..
По чужим гнездовьям вынесла детей
Птицею-кукушкой крашенных мастей.
Рушатся колодцы, заросли пруды.
Кто подаст стакан-то, даже – без воды?..
Запаси дровишек, угольку достань,
А – ненаселенка,

глухомань...

Обезлюдел крупный Голубой Ручей,
Храм был раньше Божий, а теперь – ничей...

... Окна гаснут споро, ночь стоит нема...
Тронешь выключатель –
египетская тьма.

Если вдаль глядеть с холма

Если вдаль глядеть с холма – на вечернюю излучку,
На поля самозахватом расселившихся берез,
То усвоишь очень скоро немудреную науку:
Уменьшается деревня – расширяется погост.

Если долго так глядеть, то за ельником зубчатым
Угадаешь насыпь, рельсы, тяжкий ход товарняка...
И с холма поскачешь зайцем, озираясь воровато,
Как застигнутый на краже паровозного свистка...

Если это ускоренье не уймут травы очёски,
Подбежишь к кустам жасмина, где оградки и кресты,
И увидишь: светлячки – будто ангельские слезки, –
Тихо каплют,
 тихо каплют,
 тихо каплют с высоты...

Чаепитие

Цветы бумажные в подделке-хрустале
Из фантиков разглаженных конфетных
И вафельных салфеток туалетных
Безудержно пестрели на столе.

Старушка добрым голосом грудным
Ответила, как их она выносит:
– Пускай стоят. Пить-есть они не просят.
Наделала и попривыкла к ним.

Цвела сирень, не сломлена ни разу.
Согнувшись в пояс, трогала окно...
Но было ей пробраться не дано
В единственную в этом доме вазу.

Перехватив мой восхищенный взгляд,
Заметила хозяйка, что завянет,
Что в кипятке и то стоять не станет
И грех ломать без нүжды все подряд.

Без нүжды, это значит – без нужды.
А в комнате нужда жила повсюду:
В «удобстве» металлической посуды,
В плетеном коврике, что жался у плиты.

Мы бережны с известной простотой,
Что лишь в свой огород идет на кражу:
Где можно взять, и там себе откажем,
Приберегая даже цвет простой.

...Чай липовый вприкуску сверх накладки –
Так потчевали здесь одних гостей.
И стол ломился просто от сладостей:
Баранки, сухари, полшоколадки...

Палыч

На три деревни один мужик,
Здоровья ему да сил.
К бабе Арине придет – вжик-вжик,
Все лопухи скосил.

Выйдет, старая, поутру,
А они лежат...
Рельсу прицепил на юру –
Соседки, чуть что, дребезжат.

- Палыч, проводка опять искрит...
- Палыч, сарай потек!
- Палыч, у Белки, кажись, мастит.
- Па-алы-ыч, на огоне-ек!..

Все в руках – от наперстка до вил –
Прямо-таки поет!
Бают, что капитаном был,
Северный, слышь-ка, флот.

Выйдя в отставку, купил домок:
Летом плотва, грибы...
Только к зиме старикам невдомек:
– Уедешь, а как же мы?

Так и остался. Пропал или пан –
Здесь рассуждать не буду...

Клубится по-над рекой туман –
Отдыхают Бермуды!
Тонет деревня в седых валах,
Щепочки неприметней...

Наш капитан покинет корабль
По уставу – последний.

Два сюжета

Фашист пролетел

Прорезая криками степную тишину,
 Плачет пес над мальчиком-пастушком.
 Горе исповедует и вину:
 Не уберег, не справился пес с врагом.
 В русой головенке у пастушка
 Дырка еле видная, а кровушка тече-ет...
 Выпласталась в сторону его рука –
 Та, в которой стадо наперечет.
 Овцы растерялись, буренка не поймет:
 Только-только бегал, вервием махал...
 А в осеннем небе тает самолет –
 Летчик развлекался, отдыхал...

Рыночники прошли

*...уход из жизни людей,
 неспособных противостоять
 преобразованиям, – дело естественное.*

Егор Гайдар

Без военных действий, вторжения извне
 Сильно проредили пахарей в стране.
 «Шокером» ударят, если не бежишь,
 То в сырой землице, естественно, лежишь...

...Бабушка Агафья все еще жива,
Хоть совсем не рыночная голова:
С государством Лыковы не имели дел –
Редечка с картошкой, клюква, чистотел...
Но и в Подмосковье был свой Абакан –
Тупики таежные бедолаг крестьян.
В деревнях заброшенных из последних сил
Доживали многие на Святой Руси.
Стол всегда свободен, вымыты полы,
К образам положены смертные узлы.

Картинки прошлого

Новая вера

Воплями берег речной оглашен,
Свист нагаек, костей хруст...
Так Владимир Красное Солнышко
Крестит языческую Русь.

...Конь под Добрыней уже хрипит,
Но рука – тверда и вольна.
Идолов – жги, наперед сорви
Золотые усы с Перуна!
Стерпится – слюбится.
Чем голова
Смерда забита – ни зги.
Единоверящими жива
Сила княжия... Жги!
Кто не покорен – руби, секи,
Всех, от пелен до бород...

Медленно-медленно из реки
Стонущий люд идет.

А над рекою – вороны,
Голубоокий свет
Спокойного неба, которому
Дела до этого
нет.

С войлока белого¹ смотрят вниз
Желтые, узкие...

Поле², отсюда и начались
Подлинно русские!..

Широкоглазые... И пойми,
Иных не приемля:
Вечно готовые лечь костями
В землю.

Прадеды прадедов! Между живых
Ваши души –
Тот камертон, что каждый миг
Слушать.

¹ Полководец у татар восседал на белом войлоке.

² Куликово поле, где в 1380 году произошло сражение русского войска с ордынским ханом Мамаем.

СНЫ СБЫЛИСЬ, ИСПОЛНИЛИСЬ ПРОРОЧЕСТВА

Сны сбылись, исполнились пророчества.
Ворон каркает, смеется неясить...
Правят ОПГ и одиночество.
И пора бы, кажется, остыть...

Но упорно – в переулке узком,
На цепи, в капкане, в тупике –
Мы с неподражаемостью русской
Видим свет, зовущий вдалеке.

Вопреки тому, что есть на деле:
Череди руин через века,
Уповать на свет в конце туннеля –
Код национальной ДНК.

Скажем, чтоб терзанья не утраивать,
Что ни царь, ни Бог здесь ни при чем,
И опять Отчизну обустривать
Не с нуля, а с минуса начнем.

Можно проклинать привычки рабы,
Грезить пулей, править произвол...
Но любить Россию лишь по-бабьи –
Выжав тряпку, подоткнув подол.

Вот же время адово...
Сквозной мотив –
Мне, как Мармеладову,
Некуда пойти!

Свидетелься не рады
Родичи, друзья:
– Напишу!
– Да ладно...
– Забегу!
– Нельзя...

Раньше жили веником –
Не сломать, резвясь.
С каждым соплеменником
Ощущали связь.

А теперь – как прутики.
Раздается хруст
В телефонной трубке –
Даже брат боюсь...

И – по траектории –
Ветер ледяной
Над территорией,
Что была страной.

Запах медовый, дали нежны.
Все мои горести здесь не важны.

Малым довольствуюсь, вот и покой.
Ценности вечные под рукой –

Спелые звезды на блюде луны.
Пробуйте, все мы приглашены...

...Сходишь босая с прежних орбит,
Разве

сначала

чуть познобит...

Белая сирень

*Какая же это сирень?
По-моему, это белень!
Илья Гарбузов, 5 лет.*

Если ты сирень, зачем же – белая?
Пар над молоком...
Босоножка, девочка несмелая
С куцым узелком.

Всюду фиолетово-пурпурных,
Синих дополна,
Только в отдалении, понуро –
Белая. Одна.

От персидских одалисок отлученная
За такой изъян.
Некогда неверно нареченная –
Был садовник пьян.

Слыть провинциалкой, сомозванкою –
Сколько новых слов!
А держаться – инопланетянкою
С теми, кто лилов.

Где сиреновой сирени тьма несметная,
Зябнуть в стороне!
Брошенка, дурнушка безответная,
Вспомни обо мне!

Вспомни, был сыночек строг и важен –
Гроздь в руках бела...
Я ее и высохшую глажу,
Жизнь уже прошла...

Оса

Оса прозрачная, исполнив менуэт,
Отважно села на тарелку с джемом,
Чтоб смерть принять, которой слаще нет,
И этим разрешить свои проблемы.

Знать, что прилипнешь, тем не меньше – сесть!
И правильно!
Уж если утопиться,
То так, чтоб джем при этом вволю есть
И в нем, как в янтаре, потом светиться.

Безумство буревестников умножив,
Ты перестала лапками грести...
Скользнуло жало, как клинок из ножен,
Когда пыталась я тебя спасти.

Завтраки с Татьяной

Местная дурочка. Пришла. На завалинке села.
Снова в час неурочный – только что рассвело...
То ли тятка запойный кой-как, болезную, сделал,
То ли Господь, целуя, случайно разжал крыло...

И когда она спит? И что ее вечно таскает
По сквозным перелескам, ветровым косогорам,
Где пожухлые травы – в мерлушках, как пена морская
На линияющей синьке разливного простора.

В детстве Таньку не раз с фонарями в округе искали,
Всей деревней поднявшись – до последних калек...
А она возвращалась сама. И босыми ногами
У конторы под ругань топила осевший снег¹.

... Теперь здесь не пашут, не жнут, не варят варенье.
Лишь заядлые дачники утверждают уют.
Есть автолавка – блуждающий дом призеренья,
Где блаженной Татьяне бесплатный батон дают.

И поесть-то придет обязательно с этим батоном –
Запелёнутым в грязную марлю засохшим куском...
Под окном притулится – чисто с младенцем Мадонна,
Старый сруб подпирая начавшим сесть виском.

Но когда, эту раннюю птаху тишком проклиная,
Я встаю, на веранду пластмассовый стол выношу,
Очень уж хочется выпросить: что она знает
Из непонятного мне, рядовому ежу?

...Хлеб свой баюкая, смачно хлебает крошку.
Слова не вытянешь – каждое по рублю:
– Надо б в России...
– Что, милая?
– Сведать дорожку.
Много худых дорог-то... Ой, люшеньки-лю...

¹ Так называемый «дар горячих ног» позволяет юродивым ходить без обуви в любой мороз.

Пустельга¹

...Но что эта птица хотела?
Кружилась, как по ветру дым,
И прямо в глаза мне глядела
С каким-то вопросом седым.

Ни деревца не пропустила
В нашей усадьбе лесной,
Будто знакомство сводила
С хозяйкою, то есть – со мной.

Клювом с заметной горбинкой
Терзала арбуз и котлету,
Как наша пушистая свинка
(Ни хлева, ни моря в ней нету...)

Была бы малиновкой звонкой,
Овсянкой на желтой ноге...
Но клумбы и зелень газона
Совсем не к лицу пустельге.

...Своих соколиных замашек
Еще не утратив пока,
Мышей, и ужей, и букашек
Повывела свет-пустельга.

Часами стояла над садом
В мерцательном трепете крыл,
Потом исчезала куда-то,
Но вновь ее черт приносил...

И здесь поняла я, что значил
Тот первый загадочный взгляд:
«Охотиться стоит на дачах,
Чтоб прокормить соколят?»

Кормить-то корми, если нечем.
Но после смотри не прибай:
В условиях человеческих
Не вышли б нутром в голубей...

Им станет значительно проще,
Чем хищнице вольной – тебе,
Нахлебничать даже не в роще –
В подъезде, на трассе, в избе.

И утром голодным и стылым,
Забыв соколиную честь,
Вольеры, отверзтые мило,
Сиянью небес предпочесть...

¹ Мелкий хищник, род соколиных. Последнее время все чаще поселяется в селах, городе и вдоль оживленных магистралей.

Дождь четверга

Не бывает загад богат?
Я-то знаю, как с этим справиться...

Колыбельную дождь четверга
Затекает ко сну под пятницу.

Хорошо засыпать под дождь,
Шелестящий по черепице.
Раз уж ты ко мне не придешь,
То хотя бы изволь присниться.

Лейка, ведра стучат во тьме,
По колени в воде растения,
Чтоб пойти, как лунатику, мне
На свидание – в сновидение.

Водостоки гремят вразнобой.
Сон подступит – и вновь попятится...
Я боюсь разминуться с тобой:
На часах без пяти минут пятница!

Рык громовый. Удар! Свеченье!
Только рюмки в шкафу дребезжат...
Подбегаю к окну. Качели
Опрокинутые лежат...

Над обугленной яблоней зарево,
Закипела под ней трава.
И висит водяное марево
Без пожарного рукава.

Дождь-разбойник! Что с садом стало!
Ни стыдинки в твоём глазу...
Разве я загадать пыталась
Наводнение и грозу?

...Будут снова четверг и пятница,
Перевязанные дождем...
Все-то сбудется, все-то сладится,
Все – привидится...
Подождем!

Сколько ни прыгай по камешкам,
В зарослях ни кружи,
Я – лишь ручей, впадающий
В море твоей души.

Властным твоим повелением
Кончена резвость моя.
Я – это я – до впадения,
Дальше – уже не я.

Дальше в твоей огромности,
Неистовости, неумности,
В щедрой ослепшей силе –
Бездна
под каждым килем.

Там средь рассола морского,
Сверкания, гуда и лада
Плачет глоток родниковый –
Моя ключевая прохлада.

Беда ли тебя настигала в пути
Иль книзу давила болезнь,
Одними губами: «Где ты? Приди...» –
Прошепчешь, и я уже здесь.

Умела я раны твои бинтовать,
Дыханием греть во льду...
И мне не мешало, что можешь шептать
Ты имя другой в бреду.

И если беда постучится опять,
Опять позовешь меня ты...

О, как же боюсь я себя поймать
На том, что
 хочу
 беды.

Предчувствие¹

Памяти моего мужа Ивана

Ты мир благодарил за красоту,
Когда в плакучей дымке скрылись дали,
Стояла радуга у нас в саду,
И птицы в комнатах летали.

Прекраснодушен, аки херувим.
А я – всё от кошмаров просыпалась:
То зуб мне удаляют, весь в крови,
То я на скотобойне заплуталась...

Твой вящий ангел, скажем – Фортунат,
Шептал: «Разбилось зеркало намедни?
Да пустяки... Я где-то даже рад...
Оно в дому ведь было не последним».

То кошка засыпала на столе,
А то солонка вдруг летела на пол,
Когда в отволглой сумеречной мгле
Тебя окликнул твой покойный папа...

Всем сердцем чуяла беду, всей кожей...
Но что мне делать с комплексом Кассандры,
Когда предотвратить беду – не можешь?

Глядеть, как ты сметаешь соль с веранды,
Гоняешь кошку,
Выпускаешь птиц,
Прилаживаешь зеркало на место,
И мысленно вдруг простереться ниц,
Поскольку натурально – неуместно?

...Как в обмороке, тих вечерний сад,
Луна надутая готова лопнуть...
Ушел к другим неверный Фортунат,
Не преминув дверьми веранды хлопнуть.

¹ В стихотворении перечислены приметы, говорящие о скорой смерти близкого человека.

Сон о новогодней ночи

Извержены будут во тьму внешнюю...
Евангелие от Матфея

Ах, несчастья-конфетти –
Если сыплются, то горстями...
Я прошу Тебя: отпусти,
Не ищи меня меж гостями!

Сколько можно таких горстей
Рассыпать по дороге стылой...
Знаешь, скольких родных людей
В новогодние дни хоронила?

С нежным мужем, почти отцом,
Мы не все еще обсудили...
Тихо гаснет его лицо,
Словно в лампе фитиль прикрутили.

На пиру ли сижусь сама –
В старых трениках, безутешная...
Или белая эта зима
Есть та самая
тьма внешняя?

31 декабря 2014 г., хостис

Мой путь неоправданно долог.
Огня уже нет впереди,
А бедного сердца осколок
Все торкается в груди.

Не странно ль: в сияющий полдень
Полночную чую росу...
Вы можете бросить поводья –
Больше
не понесу.

Молитва

Научи меня, Отче, не оставь, научи
Угасанью бескровному догоревшей свечи –
Угасанью без жалобы...
Далека и чиста,
Научи, как рождается золотая звезда –
Ни испуга, ни вскрика...
Дай умение мне
Свежей силы набраться в речной тишине.
А когда побледнею, растеряв, что Ты дал,
Плотный сумрак повесь, чтоб никто не видал...

Река забвения

И за то заплатим, и за это,
Понесем потери и кресты...
И у речки под названьем Лета
Ляжем загорать до черноты.

Все чего-то ждали в этой жизни –
Не дождались, просчитав ворон...
Так что где-то по делам зависнет
Даже обстоятельный Харон.

Мало ли чего у старикана,
Что ему особенно спешить?

И, как таракан вокруг стакана,
Примемся по прошлому кружить.

Вспомним все, что некогда вместили,
И что не ценили – видит Бог.
Тех, кого мы так и не простили,
Тех, кто нас, увы, простить не смог.

И с отчаяньем остолбенелым
Нижем, нижем смоляную нить:
С этим ничего уж не поделывать,
Этого уже не изменить...

Будто осужденный перед казнью
Жалостно попросит табачку,
Кто-то скажет:
– Надо ж так опаздывать...
Быть уже пора бы старику.

...Воды Стикса не дали забвенья.
Ничего нет

памяти

больней...

И из Леты пьем мы по-оленьи –
Преклонив колени перед ней.

Учительница

...Как раскрылатилась клушка, пряча озябших деток:
 Рыжий проказник с краю и рябенькая видна...
 Вот и она когда-то пласталась такой насадкой.
 Ну а теперь – понятно: старенькая. Одна.

От восьмилетней школы остался сырой фундамент.
 Срезаны аварийные серебряные тополя,
 Что устремлялись к небу вместе с ее мечтами,
 Без каковых немислимы сельские учителя.

В каждом учебном классе были свои поэты.
 Ванечка пробовал прозу, пряча лицо в дневник...
 Где ты, отважный мальчик, среди ревущей планеты
 К томику «А.С. Пушкин» усталой щекой приник?

Сегодня в приоритете уроки по физкультуре,
 ОБЖ, информатике – их объявили ценней...
 Но каждый удар по великой русской литературе
 На самом деле приходится – по Родине, по стране.

Не трогайте наши истоки, ради всего святого,
 Чтоб под чужую дудку однажды не заплясать!..
 «Барыня» юной Наташи и вальс Натали Ростовой –
 В музыке русского слова – прозрачного, как слеза...

...Нет, не поднять на плитку выварку с комбикормом.
 Кушай крапиву, Хрюша, свалишь сейчас, обормот...
 То ли дело цыплята! Кинешь им для проформы,
 А остальное насадка наверняка найдет.

Сказка о царевне,
которая вышивала по шелку

В некотором государстве древнем
За семью горами и морями,
Охраняемом богатырями,
Белолицей молодой царевне
Надоело в тереме девичьем,
День-деньской в бирюльки не играя,
Вышивать по шелку стаи птичьи
И цветы лазоревые рая.

Белая лебедица-царевна
Славилась не только красотой.
Вышиваньем, как живой водою,
Как стихом о родине напевным
Приносила облегченье людям:
Лишь увидят вышитое ею,
И больной уже болеть не будет
И страдалец духом просветлеет.

Как крылом согреты лебединым
Голубые дали на картинах:
Дождь слепой, от солнца бледно-розовый,
Радуга над рощицей березовой,
Желтый лист, на темный бархат тины
Опустившийся...

Чтоб те картины
Посмотреть, стекались отовсюду
На конях, пешком и на верблюдах
Толпы люда.

Славу пели молодой царевне
В некотором государстве древнем.
И текла, искрясь, сверкая, слава,
Как из кратера вулкана лава:
Так же горяча, сильна, обильна!..
Возгордилась тут царевна сильно.

Позабыв в светлице набелиться,
Сарафан надев какой попроще,
Стала убегать царевна в рощу –
С троллями лесными веселиться.

Разузнала тайны их и песни,
Пляски их ночные полюбила,
На костер ступала с ними вместе,
Набираясь новой – черной – силы.

И случилась в государстве древнем
Страшная беда – не от соседей:
Подружилась с троллями царевна –
Превратился в нечисть белый лебедь!

Стала снова вышивать по шелку,
Только вместо певчих птиц и сада
На картинах тех – исчадья ада.
В пальцах так и мечется иголка!

Синие свалявшиеся черти...
Девушки кричат в котле кипящем...
Саваны... Кресты... Под хохот смерти –
Черный вихрь, младенцев уносящий...

От картин проклятых не свободны,
Обезумев в суете и страхе,
Стали люди ни на что не годны:
Дрались из-за пряника, рубахи,
 Доносили дети на отцов,
 Избивали старых мудрецов,
 Разрушали древние скиты,
 Жгли шелка, где птицы и цветы...

Желтая пустыня наступала,
Улицы, дороги засыпала,
Вихрь носился, терема трещали...
Люди ничего не замечали...

.....
Минули века.
И археолог,
Отыскав в песке набор иголок,
Изумился и промолвил грустно:
– Лишь иголки... Кануло искусство...

Журавль

Все, что больше не имеет веса
(Временем отвергнуто крутым!),
Растворится,
как в земле железо,
Разлетится,
как прогорклый дым.

Да, скрипят у журавля суставы,
Тяжело ему тащить бадью...
А попробуй-ка в юдоли ржавой
Постоять у бездны на краю.

Позаглядывай в сырую темень,
Зноем иссушающим палим...
Повертись на каланче меж всеми
Да поклоняйся – то нам, то им...

И поймешь:
тебе же
посчастливится,
Если кто-то пустит на дрова...

Уходящая натура не противится.
И качает – воду, не права.

Последний почтальон

То рекламку в ящик бросит,
То отвесит вдруг поклон
Скороход любезный – Фрося,
Деревенский почтальон.

Ни докучливая осень,
Ни крещенская метель
Не заставят бабу Фросю
Лечь в домашнюю постель.

Всю-то жизнь вилась дорога
И мерцало впереди...
А теперь... побойтесь Бога!
Кто ж ей скажет: «Уходи»?

Не выписывают люди
Ни журналов, ни газет...
И в берлоге скоро будет
Фросин недруг – интернет.

Мы читали письма сами
В тишине да при луне.
Внуки сносятся с друзьями
На общественной «стене».

Вроде все в большущей куче:
Фотки, лайки – не грусти!
Что же их все время мучит
Одиночество в Сети?

Тень Всемирной паутины
Почтальонше не видна –
Не попала в середину
Мухой радужной она.

И пока шагает Фрося
И любовь ее слепа,
Мир соборный не разбросан
На отдельные компа...

...В сапогах, похоже, рыбки –
Зачерпнулись из реки?
Разноси же хоть улыбки,
Что по-русски широки!

Невидимая станция

Станция с местных пригорков невидима
И называется странно – Обидимо¹.
Нас ли обидимо? Вас ли обидимо?
Вроде под носом, а только привидимо...

Слышима станция – это как водится.
Под перестуки колес непрерывные
Кто-то венчается, кто-то разводится,
Кто-то, взяв лезвие, прячется в ванную...

Вот и дожди зачастили докучные,
Станцию в мрак отодвинув космический...

Соединяются рельсы разлучные
У горизонта – фокус оптический.
Не подходите, чтоб не разбить его,
Наши иллюзии – тени летучие...
Есть ли на свете и вправду Обидимо,
Выясним как-нибудь после – при случае...

...Дни суетой переполнились разной:
Грядки, готовка – попробуй управиться...
По бездорожью? В снег непролазный?
Случай удобный никак не представится.

Станция, может, уже перебелена,
И лимонад в автомате кончается...
Словно заказано. Будто не велено.
Проще простого, а вот – не решается...

Скорый транзитный гуднул на разъезде,
И маневровый откликнулся, видимо...
Неподалеку в положенном месте
Водит нас за нос лесное Обидимо.

Рельсы, сомкнитесь, вовек параллельные,
В передвижном балагане заката!
Фору – тебе, надувательство цельное –
Ты-то обидой ничуть не чреватю.

¹ Маленькая железнодорожная станция в Ленинском районе Тульской области.

Остановись среди разочарований,
Когда сквозит в неприбранной душе,
И все цветы твоих воспоминаний
В гербарий превращаются уже.

Не суетись.
Не ставь высоких целей.
И никаких зарок не давай.

В колодезном ведре, как в колыбели,
Новорожденный месяц принимай
За полную луну...
И пусть растет как хочет –
Не ведая удела и рожна...

...И станет утро мудренее ночи,
И отлетят плевелы от зерна.

Ночь легла на равнину на целую,
И почиет над ней пелена –
Одуванчиков головы белые,
Сквозь которые светит луна...

В бессоннице
 бес
 заключен.
Звезды сорят серебром,
И бес этот не за плечом –
Под левым свербит ребром.

Ночная фиалка

Все к солнцу восходят, ты – к первой звезде.
Твое одинокое соло –
Твой розовый дым – проникает везде,
Он в сердце моем, маттиола.

Запахнуты циннии и ноготки,
Вьюнков ослабели объятия...
Одна лишь фиалка, всему вопреки,
Во мраке не спит, как собратья.

Раскрылась навстречу высокой луне,
И сад – в розоватых накрапах.
– Я снова люблю? – померещилось мне,
А это – фиалковый запах.

Тогда-то я тайну твою поняла
И в ступе ее измолола:
Я знаю, кем в жизни ты прежней была,
Спешащая в ночь Маттиола.

... Просунулся луч, и на первом свету
Соцветия гаснут, как свечи.
Но все еще нежностью пахнет в саду
И смутной надеждой на встречу.

Туча

Страшнее черной тучи – только сны
О черной комнате...
Ползет неспешно, низко...
Дохнуло снегом с тинойю так близко,
Как будто в тучу мы заключены.

Сад трепетал: спаси и сохрани...
Пролейся, но – дождем простоволосым!
Как раны свежие, пылают розы,
В метельном вихре сгинут и они.

Высокой нотой в этот мрачный час
Вдруг соловей кольнул
Подбрюшье тучи
И там еще проворно повернул
Свою отмычку – музыкальный ключик,
И из прорехи ринулся на нас
Поток отборных крупных белых градин!
Лед резал листья, ветки сокрушал,
Капустниц глупых крылышек лишал
И розы алые – по мураве разгладил.

Зачем ты высунулся, соловей?
Не чужа времени, не зная места...
Шипы на стебле – вот тебе невеста,
Ну, что теперь ты запоешь о ней?

...День разгорался – туча отошла.
Град таял, возвращая саду краски.
Он пел, как мог – обычный, не из сказки,
А я лечила розы, как могла.

Молчание о Всевышнем

Не могу славословить взхлеб.
Не хочу самоедства взхлюп.
Имя всуе не вырвалось чтоб
Из моих спрессовавшихся губ.

Так давай же с тобой постоим
(И не скажем о том ничего!)
Перед лютиком полевым –
Пустяковым твореньем Его.

Пусть поют то ручьи, то ветра.
Пусть шмелей раздается басок.
С журавлиным «Пора, пора!...»
Стаи тянутся наискосок.

Зазвучит над рекой благовест...
Но, молчание чтобы прервать,
Ничего, поглядев окрест,
Равноценного
не сказать.

Изумленья младенческий вздох
Неразменен, как золота слиток,
До поры, пока ухо Бог
Не склонит на последний выдох.

Поповка

От наших Сычей до ближней Поповки
Каких-нибудь три версты.
Но тут цивильно: у баб обновки,
Возле медпункта цветы.

В клубе, конечно, разор многолетний,
В сельпо же – всего завались...

Есть храм, где служит (согласно сплетням)
Сосланный за экзорцизм.

Отец Антоний, медведище рыжий
(Не ад ли его опалил?..),
Смотрит, будто стесняясь, что выжил, –
С правежа на распыл...

Он и теперь не лишен интереса
Рисковых сиих эмпирий –
К обряду изгнания русского беса,
Который зеленый змий.

Может, у баб здесь свои уловки
(Что за уловки? Окстись!),
Но меру чтут мужики в Поповке,
Тогда как вокруг – спились.

И этого чуда на всю деревню
(Новейший, считай, Завет!)
Хватает, чтобы с тоскою древней
С утра не глядеть на свет.

Дачникам прочат сачки, корзинки,
Гирлянды из чеснока...
Я же хожу до коровы Зинки –
Нету жирней молока.

Конечно, здесь не видать молодежи,
И школа закрыта давно.
Однако у двери скребок положен,
В порядке двор и гумно.

В округе, куда ни уткнешься взглядом,
Березки стоят стеной...
Каким же оралом поднять поля-то,
Ставшие целиной?

Не эту ли думу на колокольне
Думает ссыльный Антоний?
И бьется, бьется в малиновом звоне
Сила медвежьих ладоней.

Акварель

Вечерних блужданий отрада
По стежкам, ведущим обочь,
Когда уже больше не надо
Досужие мысли толочь.

Когда растворились фантомы
В тумане, пролесках – Бог весть...
И можно без кислой оскомы
Мне имя твое произнести.

С деревьев и пики и червы
Услужливый ветер состриг,
Но я не гадаю – во-первых,
И не о чем мне – во-вторых.

От нежной игольчатой льдинки
Я в жухлую траву шагну,
С лица не сниму паутинки,
Дождинок с плаща не стряхну.

Я снова деталь акварели
По мокрой бумаге-поре,
Что ты рисовал здесь в апреле,
Но эта течет – в октябре...

Ирине Гавриловой

Ни похвал, ни лишнего вниманья.
Ни гонений нет, ни поношений...
Сочиняй,
не приходя в сознание.
Существуй
внутри своих стихотворений.

Ни к подножью трона не представят
Толстый свиток прорицаний-песен.
Ни толпа восторгом не задавит:
Ей поэт совсем не интересен.

Все равно осталось очень много:
С петухами встать в пустом доме
И услышать наущенья Бога,
Чтоб читать соавтору – Ему.

Спящая красавица

Я в комнатах заклеиваю рамы –
Уже неделя после Покрова.
Уже морозец по ночам упрямый,
И валится последняя листва.

Уже в лесу насторожились ёлки:
Кому из них придется к алтарю
Идти в огнях и золотых оборках,
Чтоб «да» шепнуть седому декабрю.

Я между рам раскладываю вату,
Зеркальные осколки, канитель,
Сугроб из пенопласта ноздреватый
И вазочку хрустальную – постель.

И голубянку¹, что уснула в сенцах,
На это ложе вещее кладу:
Пусть встрепенется маленькое сердце,
Когда большие холода уйдут...

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью.
Когда вокруг затенькают капли
Да распахнутся бабочкины крылья
От поцелуя юного апреля.

¹ Широко распространенная бабочка, рисунок в нижней части крыльев напоминает глаза.

Ковер

Плюшевые ковры, знойные страсти в сюжете!
В лиловый сумрак беседки даму влечет кавалер...
Принц на лихом скакуне вслед за беглянкой в карете...
Белая дева в шальварах и у ног ее – негр...

Плюшевые ковры, вы и сегодня висите
В каждом убогом доме, даже не потускнев.
Будто от грез, ожиданий и рассветных наитий
Все еще не свободны души сычѳвских «дев»...

Лебеди и леопарды, павлины и обезьяны,
Сирены на диких скалах и лучники на стене...
Целый мир познавался по этим плюшевым странам:
По соседям походишь – вот тебе и турне.

Как же я понимаю это пристрастие к сказкам!
К шхуне, горящей ало на бирюзовой волне...
Мы и поем и любим лишь по чужим указкам.
Дайте хотя бы представить небо в алмазах мне!

Плюшевые ковры, советские раритеты.
Как-то купить пыталась, дудки – не продадут:
– Так у меня в хозяйстве ценного боле нету,
Тока один царевич, пускай остается тут.

Ладно уж, баба Надя, сиди со своим любимым.
Ишь, я рот-то раскрыла на чужой каравай...
В сердце жива надежда: постучат пилигримы,
Если висит над кроватью ворсистый красочный рай!

...Когда-нибудь синей ночью с плюша сойдет царевич
(Молью слегка подточен красный его кафтан)
И поведет под венец – горнему свету навстречу.
Каждый туда стремится, только не каждый зван.

Рефрен

Ночью на окнах домов своей кисточкой странной
Вечнозеленые джунгли рисует мороз:
Пальмы чешуйчатый ствол, серпантин лианы...

Каждый грустит о несбыточном – так повелось.

Бледен, как призрак, усилием своим обескровлен,
Месяц упрямый прошел небеса насквозь,
Солнце увидел – и сник над покатою кровлей...

Каждый грустит о несбыточном – так повелось.

Утро весеннее чувствуя всей своей кожей,
Думал старик над рекой у раскидистых лоз:
«Если б еще одну жизнь... Я бы так ее прожил!..»

Каждый грустит о несбыточном – так повелось...

Декабрь. В ожидании снега

Кисть окунаю в хляби разверстые,
Дождик промозглый, осинник тускнеющий,
Сизый туман, точно дух костенеющий,
Морок оврага, где страны безвестные.

Кисть окунаю в сырую поленницу,
Банку с шалфеем, щели простудные,
Сказки затертые, мысли подспудные,
Что навестить даже фельдшер поленится...

Но на холстах рисовать я не буду!
Только по радужным елочным шарикам,
Бусам, сосулькам, волшебным фонарикам –
Белой зимы дорогим атрибутам.

...Вот уже слякоть осенняя светится!
В буклях серебряных встали осинки,
В темном овраге, в глухой серединке
Алое пламя как будто бы мечется...

Что там за гномы, алхимики древние,
Варят из грязи червонное золото?
По наковальне проходятся молотом,
Чиркают кремнем зачем-то по кремнию...

Снова стучат?..
Если гномьи дела
Не завершатся до Нового года,
Так и останется скверной погода...

Что? С наступающим!
Фельдшер пришла.

Мокрую куртку скидывай живо...
Там колокольчик есть между дверьми...
Елочный шарик для дочки возьми –
В снежных сугробах – самый красивый.

Сквозь туман

Перехожим каликой слезится куст
В этом дымчатом утре. Но синей пустынности
Выдох синего ветра, что кару – не вынести,
Так не прочен туман и не густ.

Проступают деревья, как мыльные призраки,
Стеклодувом сработанные на пари,
С чем-то черным внутри, с чем-то красным внутри
И реальны до мыслей о мистике.

Связь тумана меж ними так непрочна,
Что блуждает и копится мысль об обмане...
Но зачем тогда ластится так тишина
Этим утром во льду и тумане?..

Березы

Возвратился холод из заморских странствий,
Сразу за дождями грянул в гневе быстром.
И стоят березы в ледяном убранстве –
В жемчугах отборных и хрустальных искрах.
Ловко стан затянут костяным корсетом,
Тенькают подвески из александритов.
При луне неверным загорелись светом –
Звездчатую дымкой по ветвям разлит он.
Свет перебегающий, слюдяной, мерцающий,
Льющийся из щедрых сундуков зимы...
Как фата венчальная, до корней свисающий,
Как дыханье месяца в плотном царстве тьмы.

...Но – прогнулись ветви. Лед держать устали.
В белых кронах ходит выстрелами треск.
Холодно березам. Сок острее стали,
Замерзая, режет – вот цена за блеск!
А мороз крепчает...
Но березы знали,
Поднимая к небу ветви еле-еле,
Что чем безнадежней, глубже промерзали,
Тем осеребренной, призрачной горели.

Замерли березы, ни одна не ропщет...
Замерли в нарядах северных невест,
Чтоб никто не понял, как тяжел для рощи
Красоты высокий
и печальный крест.

Какою мерой мерили другим

Какою мерой мерили другим,
Такой же нам отмерят в одночасье...

Но кто решится поперек пурги
Прийти на помощь нашему несчастью?

А воеет как! А кружит! А несет...
На шабаше ночном все ветры сразу.
И упыренок-страх сосет, сосет,
Растет, растет, проклятый, час от часу.

Каков мороз! Какая злая тьма!
Оборваны все провода в округе.
Но, к собственному ужасу, сама
К волчице-стуже я прошусь в подруги.

Юла метели лезвием слоистым
Скоблит, скоблит стекло для куражу,
Когда с застывшим сердцем фаталиста
Из дома в чисто поле выхожу.

Как бык бодаю ветер, что навстречу
Несет потоки ледяной крупы...
Ужо мне, неразумной!..
Я отвечу
За это искушение судьбы!

...Но все-таки среди снеговых торосов
Огонь свечи затеплился в окне,
И черная дворняга бабы Розы
Недоуменно кинулась ко мне.

Что ж, у старушки умер
сын
сегодня...
По дачам лазал, выпить был не прочь,
И умер-то в СИЗО, а не свободным...

Но что ей до того в такую ночь?

Попробуй, посиди в тоске вселенской!
Как будто кто-то ходит по избе...
Утробный вой и сразу – хохот женский
Нам слышатся в обветренной трубе.

Но я твержу, что даже изуверы
Прощаются в раскаянье своем...

И если мы помолимся вдвоем,
То может избежать он
Высшей меры.

Рождественский ангел

Пламя гудит в изразцовой печи,
Кружит за окнами снег...
Разве не славно сидим и молчим –
Ангел и человек?

Поутру в ельнике найденный мной
Вестник в царском венце,
С быстрыми крыльями за спиной,
Ясным огнем на лице,

Разве в плену я тебя держу?
Птичььи – мои права!
Не перейти роковую межу
Даже вблизи Рождества.

Хочешь – лети над планетой ночной!
Лунный кривится круг...
Только – уютней в избушке лесной,
Мой златокудрый друг.

Ты ли – не там, я ли – не с тем,
Скоро куранты пробьют!
У галактических звездных систем
Свой – мировой – неуют...

Передохни от заоблачных сфер,
В чем-то правы улитки...
Разве не славно тебе, например,
Просто качаться на нитке?

Светит гирлянда, дождик блестит,
Близок волшебный момент...
Гость мой единственный, не грусти –
Тост говорит президент!

НА ПЕРЕКРЕСТЪЕ

Сквозь матрицу сонета

Шире широкого, выше высокого,
Глубже могильных глубин...
Ветер поет над текучей осокою
Или токует Сирин?

Станешь над камушком: что там обещано?
Есть из чего выбирать?
На перекрестье – дорожное, вещее,
Лишнего лучше не брать.

Кружка, чайк, запасные носки,
Фляжка с лекарством от русской тоски,
И – от порога до Бога.
Не все равно ли – туда иль сюда,
Если повсюду сияет звезда
И бесконечна дорога.

Феникс

Это русская наша забава –
Все разрушить, поджечь, раскатать,
И глядеть как из пепла и праха
Птица Феникс пытается встать.

Как без сил ударяется оземь,
Копошится в углях и золе,
Как горючие перья разносит
Жаркий ветер по грешной земле.

Все вопят, как на матче футбольном –
Одновременно сладко и больно...
Отряхнись же! Лети налегке!
И когда поднимается птица,
Стар и млад от души веселится,
Зажигалку держа в кулаке.

Дом генерала А. Мирковича¹

Ворчит воронье на вершине сосны.
Паучьи тенета повсюду.
Мальчишка упрямо пускает «блины»
По ряске ослепшего пруда.

Осыпались стены, колонны... Фонтан
С давно расколовшейся чашей...
Мальчишка, не ты ли на ней написал:
«Я ждал тебя, Родина. Саша».

Твоя одноклассница все же пришла,
Иль лишь посулила, да провела?
Все прошлые «лайки» – не в счет...
...Над бальной залой стоят облака.
И осень суха, и зима далека...
Он Родину вновь подождет.

¹ Александр Миркович, генерал-майор русской императорской армии, участвовал в Отечественной войне 1812 года, где вел себя героически. Его усадьба близ села Николо-Жупань в Одоевском районе Тульской области – один из красивейших архитектурных памятников. На протяжении многих лет появляются проекты по реставрации дома Мирковича, как со стороны властей, так и со стороны потомков генерала. Но дом героя Отечественной войны продолжает разрушаться, до сих пор так и не дождавшись реальных действий ни от кого.

Путь

Все обжились в отцепленном вагоне.
Им не грозит дорожная тоска:
И бабушки торгуют на перроне,
И музыка доносится слегка.

Что из того, что сбрендил составитель –
Загнал в тупик, услал проводника...
– Вы на вокзал за пивом не хотите?
– А с местными по малой в дурака?

Вдоль полотна сбор ягод и грибов,
По вечерам запевки у костров...
Одна лишь я туплю. Верна билету,
От полки далеко не отхожу.
Читаю, кофе пью, в окно гляжу...
Пусть мы стоим. Но я же еду! Еду...

Полночь

Нет костра пастушьего нигде.
В поле проявляются круги.
Все концы попрятались в воде.
В закромах Отечества ни зги.

Ест пророк тюремный свой обед.
В отпуске бессрочном звездочет.
Созерцает доньшко поэт.
Черт куда-то ангела влечет.

Нежно светит кварцем абортарий.
Крысе беглой грезится виварий.
Міх солдату голову кружит...
Ловят скрип Земли радаров блюдца,
У космополита-сластолюбца
Чемоданчик ядерный дрожит.

Старуха (ремейк сказки)

Все разбилось, не только корыто...
Адской серою брызжет закат –
Это солнце, как сердце, разбито
И осколки в пучину летят.

Даже не на чем ей удавиться.
А вчера-то – хотелось, моглось...
И дворянкой была, и царицей,
Но владычицей – нет, сорвалось...

Кто виновник нагрянувших бед?
Старый олух, рыбак-дармоед!
Ишь стоит, словно не при делах...
Рыбки нет, так бубнит с перепугу:
«Дай мне, Будда, другую старуху,
Помогите, Христос и Аллах...»

Мигрант

Его глаза похожи на двустволку –
Пусты и пристальные, со смертью в глубине.
Не человеку – оборотню, волку
Глядеть вот так при розовой луне.

Но почему в лесу заиндевелом
Он жертвы припозднившейся не ждет,
А занят абсолютно мирным делом –
Мороженое в парке продает?

Беру пломбир, сама уже не рада.
А говорят, быть толерантной надо...
И зарекаюсь хоть однажды впредь
Столкнуться взглядом с выходцем с Востока,
С кем вся цивилизация жестока
И кто с толпою метит умереть.

Белая ворона

У белой вороны лишь в... ухе темно,
Так уж везет альбиносам.
Сажай испачкайся, все равно
Дождь превратит в альбатроса.

Воду не пить у вороны с лица,
Цвет – не источник блаженства.
Путь к совершенству не знает конца,
Так же, как к несовершенству.

Но как же мучительно хочется стать
Серым товаркам по стае под стать –
Неотличимой от многих!..
Тот не поймет, кто не ведал стыда
Быть не таким, как в округе стада,
Тучи и – пыль на дороге...

Буря в стакане воды

Не знала буря, что она в стакане,
Кидалась, точно стая диких псов.
Я видела: сейчас бесследно канет
Все, что в стакан попадало с усов.

Но тот, кто сей предмет в руке держал,
Его, как с водкой, залпом опрокинул,
Утерся, корнишон из банки вынул,
Своей же шутке радостно заржал.

Так знай же, буря, свой масштаб реальный –
Наперсточный, не межконтинентальный.
И помни, что отыщется всегда
Не то чтоб укротитель, повелитель
А тот, кто нас с тобой в упор не видит
И просто пьет, раз есть она – вода...

Синь-камень

Богу все недосуг разобраться,
Человече и в толк не возьмет:
Исходя из каких мотиваций
Этот камень на гору ползет?

Его в водах озерных топили,
Погребали в глубинах земли,
В основание храма вносили –
Но к порядку призвать не могли.

Самый умный иль круглый дурак –
Объективной реальности враг?
Легковеснее птичьего свиста
Свод законов физических всех,
Если двигает камень наверх
С непреклонностью идеалиста.

На битом стекле

У шила в мешке незавидная доля –
Не хочет колоть, а невольно уколёт:
Кто сунется в этот злосчастный мешок,
Тому и достанется на посошок.

Другая история – нож выкидной.
Он умысла полон в чащобе лесной,
И, с хрустом входя в неповинную грудь,
Рефлексией нож не страдает ничуть.

Танцует циркачка на битом стекле,
И лунные ступни мерцают во мгле
Отсутствием свежих порезов...
Пусть будут же к ней благосклонны всегда
Как медные трубы, огонь и вода,
Так эти стекло и железо.

Пейзаж

Но нельзя рябине к дубу перебраться...

Из песни

Как далеко среди деревьев кудрявых
Звезда мелькает золотой серьгой...
А здесь, в карьере, два куста корявых –
Дубок с рябиной, жалкие изгои.

В их позе и покорность и утрата:
Судьба изменчива, что кадмий в тигле.
Во время бури, бури той проклятой,
Их семена чужих краев достигли.

Любовь засохнет без родимой почвы.
Сад на камнях – химера одиночек,
Нечаянно сорвавшихся с орбит...
Одно спасенье – забываться снами
И шелестеть в ночи: «И счастье с нами...»
В надежде, что рассвет повременит.

Воздушный замок

...Никто не бомбил, не взрывал... На постой
Войска и стада не входили.
Но башни в руинах, колодец пустой
А флаг не трепещет на шпиле.

Ты слово сказал, и – рассыпались вдруг
Мечты, что союз наш венчали.
Совсем не пустяк, не капризы, мой друг!
А Слово – не только в начале.

У замков воздушных свои соловьи.
Охранные грамоты – тоже свои.
Ты кодекс негласный нарушил...
Я мост подниму и задвину засов,
Смолу приготовлю, выпущу псов
И в долгой осаде не струшу.

Смайлик

И. Гарбузову

От пеленальных до поминальных столов,
Средь терний, трудов и напраслин
Нам так не хватает музыки слов:
«Мамуль, все в порядке! Я счастлив».

Скажи их! Тверди их всегда и везде.
Чикуй, словно мячиком мальчик!
Но... смайлик прислал ты на чистом листе,
Похожий на солнечный зайчик.

Дежурный привет от нестарых штиблет...
А все же – улыбчивей смайлика нет,
В нем весь твой запал обозначен...
Свирель не подвластна – играй на губе!
Я тоже в порядке, спасибо тебе,
Мой «словоохотливый» мачо.

Нежданный гость

Побелели занавески на окне,
Словно старческие бельма – не видать...
Неужели, неужели это мне
Утлый дом через дорогу провожать?

Вдоль по «зебре» на зеленый светофор
Култыхает он, терраскою звеня,
Проявляется вокруг лесной простор,
Что в подарок прихватил он для меня.

Посидели вот, попили с ним чайку.
Больше без предупрежденья не могу...
К остановке дом родительский веду
У народа у честного на глазах,
В занавесках, будто в белых парусах,
Промокая путеводную звезду.

Интервью

Л. Гурченко

Столько встреч на этом свете помнить надлежит...
...Интервью в 17.30, строго полчаса.
На бокале пахитоска мостиком лежит
Фуэте над дыней крутит наглая оса.

Лик звезды, клянусь, светился светом золотым...
Но стилист опять исправить что-то там зашел.
Я довольствуюсь затылком сильно завитым,
Лисьей мордочкой горжетки, брошенной на стол.

Нет в провинции изданий, чтоб звезда могла
Полчаса не окунаться в зеркала!
Что – вопросы? Что – ответы? Суета сует...
Ей лицо начать придется с чистого листа.
Мир спасет ее – не чья-то! – красота.
– Что такое? Две минуты? И секунды нет!

Ноябрь

Никто не позвонит, не постучится...
Дожди, дожди, к утру почти мороз.
Тупая боль под левою ключицей –
Какой-то элегический хондроз.

Все в этом мире – прах и суета.
Родился – умер, неразрывный круг.
Пока в домах не топят в холода,
Ничто не стоит ничего, мой друг.

Вся радость – валенки. И сильно раздражает,
Что осень на потеху наряжает
В дурацкий пурпур яблони в окне.
Чуть ветер дунет – пурпур под ногами,
Сад гол и сир под белыми снегами.
Когда еще он улыбнется мне...

Землянка

Я бегу от людей – устала.
Ни врагов, ни хорошего друга...
Мне б водицы отведасть талой
Как гусям, что вернулись с юга.

В одиночестве – безопасно.
В одиночестве – продуктивно.
Очень многое в жизни – ясно.
И почти ничего не противно.

Может мне землянку в глуши,
Где за сотни верст – ни души?
...Нары, печь, dvd-шник, сервер,
Стол, лучина чадит в монитор,
Трубка ловит таежный простор,
И летят мои гуси на север...

УЛЕТАЯ

Поэма
в стихах о смерти и любви

* * *

Не видна уже и не слышна,
Улетая, растворяясь в Слове,
Остаюсь вам истово верна,
Тридцать три моих земных любви.

В час, когда со мною говорит
Ангел, подвигающий к покою,
Все, что было дорого, горит
В сердце бедном раной ножевою.

Вот он – дом, и вот она – река,
Ветра свист и тишина оврага,
Путника случайного рука,
Вскинутая вроде бы для взмаха.

Он и сам не знает, отчего
Пристально глядит в небесный омут:
Нету ровным счетом ничего
Там, где я через эфир влекома.

Самолета нет, и птицы даже...
И, надвинув кепку на глаза,
Он идет, слегка обескуражен,
На работу или на вокзал.

В этот миг последнего размена
С тем, что именуют «прах земной»,
Я держусь лицом – к тому, что бrenно,
Оставаясь к Вечности – спиной.

Ангела – и друга, и слугу –
Пусть не мучат ревность и обида:
Улететь я только так могу –
Ни-че-го не упустив из вида.

В ночи осиянной

Сквозь крышку просачиваюсь и – легко –
Сквозь землю, что сесть не успела.
...Как высоко, широко, далеко-о,
Ни краешка нет, ни предела...

В ночи осиянной, весенней, хмельной
(Где столько оставленных дел!..)
Я вижу, что мир, покинутый мной,
Решительно не оскудел.

Все те же достоинства, те же грехи,
И так тому, в общем, и быть...
Есть месяц – затем, чтоб слагать стихи.
И луна – для того, чтоб выть.

И жизнь человечья, как и была, –
Свечка на сквозняке:
Раз не погасла, то оплыла
В участливой Божьей руке.

Хочешь – ликуй, а хочешь – реви,
Когда от шальных кровей
Все вдохновенней поет о любви
Кладбищенский
соловей.

...Я близких своих отыщу, отличу
От прочих. Закрою дверь.
От несчастья их отлучу,
От расстаней и от потерь.

И, поклонясь соловьиным кустам,
Помня одно лишь добро,
Уйду под землю и буду там
Спокойная, как в метро.

У окна

Не волнуйся, милый, это я –
Ветка
об оконное стекло...
Преданная, нежная, твоя –
Ничего из сердца не ушло.

Не волнуйся, милый, это я –
Дождик
синеокий по окну...
Шторы разбегутся на края,
Я к тебе из сада загляну.

Фонарем на раму не свети –
Это ветер ломится, грубя...
Ах! Повремени, не уходи,
Я не нагляделась на тебя.

Не пренебрегай моей мольбой.
Я же здесь любила и жила!
Вместе мы по-прежнему с тобой –
С двух сторон прозрачного стекла.

Что – любовь до гробовой доски?
От нее не легче и потом...
Как освободиться от тоски
И желанья прилететь в свой дом?

... Не волнуйся, милый, это я,
Ветка о продрогшее стекло...
Преданная, нежная, твоя –
Ничего из сердца не ушло.

На окне воркуют голубки.
Покорми их, радость не тая.
Только обязательно – с руки...
Не волнуйся, милый, это я...

Призрак

Обернешься, будто окликнул кто,
За спиной – только свет фонарей...
И пойдешь вперед, запахнув пальто,
До калитки и до дверей.

Ненароком кнопку звонка утопив,
Вдруг услышишь, что в доме пустом,
Как наивный птенец, зазвенел мотив
О счастливом гнезде золотом.

Все засветишь – от люстры до ночника,
Вытрешь пыль и польешь цветы.
Но малиновой трели дверного звонка
Не дождемся – ни я, ни ты.

Не заглянут друзья, не нагрянут враги,
В темных окнах – метельная взвесь...
Ты решительно выставил дом на торги.
Но ведь я-то по-прежнему здесь!

Что такое, мой милый, имел ты в виду,
Где теперь обретаться мне?
Может быть, я за призрак домашний сойду?
Говорят, что они в цене...

Старым тюлем завесил провалы зеркал
И, забравшись на венский стул,
Мой портрет, что когда-то ты сам написал,
Маслом к белой стене повернул.

А потом на крыльце, заперев замок,
Все стоял и снежинки ловил,
Жал на кнопку, и в комнатах таял звонок
Соловьиным признаньем в любви.

Прошлогодний снег

1

Да, он не нужен – прошлогодний снег.
Его свезли на многотонных «катафалках»,
Чтоб жизнь взяла еще один разбег
В румянце юности и мартовских фиалках.

Что ей до околичностей моих?
Она сама решит, что делать дальше.
С кем разломить горбушку на двоих,
Не попустив формальности и фальши.

Но ракушка несет в себе прибой
За сотни верст от гальки, волн и чаек...
И я повсюду, в мелочи любой,
Снежинки прошлогодные встречаю.

Так снежный пух валится с тополей,
В ларьке лежит сугроб воздушной ваты,
И, облака метельного белей,
Туман клубится у горы горбатой.

2

...Я знала одного часовщика.
Он заболел и продал мастерскую
Сапожнику, чья бодрая рука
По каблукам гвоздит напропалую.

Знакомца встретила по декабрю –
Он нес часы, как грудничка в конверте...
– Куда спешу? В ломбард. Благодарю,
Я не возьму... Ах, лишнее, поверьте...

Пошел через трамвайные пути
И через улицу без перехода...
А встречный снег мешал ему идти
И явно был не нынешнего года...

Сон

*Жизнь моя, иль ты приснилась мне,
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

С. Есенин

Жизнь показалась сном кудрявому поэту.
И как не разделить с ним установку эту?

О, как же поутру хотелось бы и мне
Красиво проскакать на розовом коне!

Но синий мой мустанг не чувствовал узды –
Костей не собрала я от такой езды.

Ему свистели вслед и что-то вслед кидали,
И так единодушно осуждали,
Что я скачу охлюпкой – без седла.
Но вместе с тем на ус себе мотали,
Как не убиться. Не входя в детали,
Что я держаться больше не могла...

...И вот теперь лежу в степи безбрежной.
Мустанг умчался вслед за зорькой нежной.
Под облаком стервятники парят...
Что ж, начинайте – мне уже не больно!

Пусто в зеркале

Пусто в зеркале. Гляну и – ахну...
Что же я, как заправский Кашей,
Над земным да над временным чахну,
Не взыскаю о сути вещей?

Подойдет для гаданий девчонке
Эта рама вокруг пустоты.
Две свечи. Костяная гребенка.
В хрустале полевые цветы.

Кто в глубинах серебряных водится?
Кто зовет туда, пальцем маня?..

У меня еще что-нибудь спросится,
Но не спросится больше – с меня...

Пусто в зеркале. Белое-белое
Повторяется в раме окно.
С этим я ничего не поделаю.
Ничего. Не поделаю. Но...

Может быть, это форма свободы
Или новая грань красоты –
Быть под стать самому небосводу
И алмазу чистой воды?

В осиянном растаять пространстве,
Закружиться в луче золотом,
Утвердившись в ином постоянстве —
Неприметно
являться
во всем.

И малиновкой — нежной и звонкой,
Просочившись сквозь ловчую сеть,
Сесть на форточку, чтобы девчонке
О соседском мальчишке свистеть.

Присядем, сынок...

Был ты заводью, берегом, синею тропкой,
Босоного ведущей сквозь морок чащоб.
Был апрельскою веткой, оперившейся робко,
Когда каждому ясно, что рано еще.

Был ты белой звездой по-над далью лесною,
Если шли на нее, значит, это – свои...
Был спасительным окриком за спиною,
Когда всхлипнет у ног темный зев полыньи.

Был ты лучшим из всех мне известных укрытий –
Неизменной системою координат.
Был рождественским сном, новогодним наитьем,
Когда верят в добро и под елку глядят.

Неожиданней дождика с чистого неба,
За которым опять не успели зонты,
Кем ты только, сынок ненаглядный мой, не был...
Все, что держит меня, – это ты.

...Но вот стоишь, печалуясь,
У окончанья дня.
Как будто даже жалуясь,
Что чувствуешь меня.

Срывает листья с ясеня
Октябрьская пора...
Раз так, то дело ясное –
И мне, как им, пора.

Я лишь тревожу в замяти,
Держа любовь в горсти.
Так лучше: вон из памяти!
Прощай же и прости...

Давай-ка на дорожку
Присядем на крыльце –
Минуточку, немножко
И – раз-два-три! – в конце.

Deja vu

Давно, когда еще была жива,
Ловила я себя на мысли странной,
Что
 мною
 примята вешняя трава,
Едва-едва прикрывшая поляну.

Что я уже стояла у ворот
И знаю,
 кто
 из них навстречу выйдет,
И без гадалки знаю наперед,
Обрадует меня или обидит.

Ни сладость вкуса новой не слыла,
Ни патовая горечь послевкусья...
Жизнь, как пластинка стертая, была,
И вновь ее поставить не возьмусь я.

Куда ни глянь, везде мои следы.
Что ни случись, уже когда-то было...
На белом свете больше нет воды,
В которую я дважды не вступила.

Так что ж
теперь
мне выходить на бис?
Оваций нет. И – по какому праву?
Все зрители спокойно разошлись
И эхо не умеет крикнуть «Браво!»

Но вот куда исчезло дежавю
Перед дверьми с табличкой: «Вечность.
Орен»?
Я неофит! Я рукава жую.
Я как сибирский валенок в Европе.

У
этих
не стояла я ворот.
Не знаю,
кто
из них навстречу выйдет,
И мне подумать страшно наперед –
Обрадует меня или обидит...

Песня ангела

*Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю –
Придет серенький волчок
И укусит за бочок.*

Колыбельная

– Баю-бай, – тебе пою я, –
Баюшки-баю...
Не тревожься, оказавшись
Снова на краю.

В небесах обетованных
Звезды-маячки,
Никого здесь не кусают
Серые волчки.

Баю-баю, все проходит,
Все уже прошло.
Отболело, отсвербило,
Травкой поросло.

Вместо счастья были разве
Воля и покой?
Так чему ты снова машешь
Легкою рукой?

Отпусти свои химеры,
Грезы, миражи,
Возле тех, кого любила,
Больше не кружи.

Всякий раз река – другая,
Не стремись в нее.
Мир устроен, как устроен –
Дело не твое...

...Ангел, дырочки на флейте,
Простенький мотив...
Где-то спит волчок смиренный,
Хвостик опутив.

Два круга

Иные пространства, иные края,
Иная – нездешняя – грусть...
На кру́ги, на кру́ги, на кру́ги своя
Я больше уже не вернусь.

Погаснет лампада, остынут слова,
Друзья, как сугробы, сойдут...
Весной без меня расцветут деревья,
Потом без меня опадут.

Заламывать руки довольно смешно –
Ждешь света, а ширится мгла...
Допито до капли земное вино,
Счет выставлен. Вечность пошла.

... Мерцают галактики, как светляки
В полночной июльской ложбине.
Лечу и на память вяжу узелки –
О лесе, о речке... О сыне...

Но где же ушедшие раньше меня –
Родители, сестры, подруги?..
Спешите, стремитесь, крылами звеня,
На кру́ги, на кру́ги, на кру́ги.

Сойдемся на облаке. Свесив ступни,
Рассядемся, брат возле брата,
Чтоб вспомнить былое – ушедшие дни,
Которым не будет возврата.

И в атмосфере любви и родства,
Лаская очами друг друга,
Вздыхнем с облегченьем: их все-таки два –
Спасительных
дружеских
круга.

Об авторе

Екатерина Картавцева родилась, как она иногда шутит, «где-то в середине прошлого века» в деревне Кочановка Тульской области. Тогда там была восьмилетняя школа, работавшая в две смены, полсотни крепких подворий, в соседнем селе – храм Рождества Богородицы. Теперь – чисто поле.

Дед ее со стороны матери Иван Быковский – приходской священник с польскими корнями – был арестован в 37-м по ложному доносу и вскоре расстрелян. Отец Сергей Картавцев разведчиком-пехотинцем прошел от Москвы до Кенигсберга, откуда был отправлен в Маньчжурию, война для него закончилась только в 47-м. Мать Анна Картавцева – учитель математики в деревенской восьмилетке. Пишущих в семье не было, и главным своим побудителем к занятию стихосложением поэтесса считает... бабушкину прялку – мерное верчение колеса высвобождало в душе то невыразимое, чему хотелось дать имя.

Вот как Екатерина вспоминает о своем детстве: «Деревня отрезана глубокими снегами от всего мира. Изба под соломенной крышей. Я маленькая. Обретаюсь в основном на русской печке, где тепло, уютно. Пахнет сухими валенками, пучками травы. С печки видна главная в доме комната, пред образами мерцает лампадка. Двор, где скотина, промерз. Поэтому обеденный стол и лавки из комнаты вынесли, на их месте лежит, шумно вздыхая, корова с новорожденным теленком. А стена за ними – в серебристо-белой бахrome инея. От огонька лампадки по всей стене перебегают, переливаются искорки, как бриллиантовые россыпи. На эту игру света можно смотреть бесконечно, никогда не надоест. Каждый огонек представляется бесценным. «Как живем! Ну как же живем... Пряма – цари!» – думаю я и чувствую себя совершенно счастливой».

Ностальгия по уходящей природе ясно видна в творчестве Картавцевой, особенно в повести «Синяя птица Марина». А в

сборнике «Весеннее обострение» единственное место, где к лирической героине возвращается душевное равновесие и ощущение полноты жизни, – собирательная дачная деревня Сычёво.

В подростковом возрасте Екатерина больше года жила в Симеизе – на самом южном краешке Крымского полуострова. «Синее море, белый пароход» – вот фон, на котором она начала свои литературные опыты. Среднюю школу окончила в городе Льгове Курской области, затем – библиотечное отделение Тульского культпросветучилища. Позже заочно окончила факультет психологии в одном из московских вузов.

С 1975 года посещала тульскую литературную студию поэта Сергея Галкина при газете «Молодой коммунар», куда входило много талантливой, диссидентствующей молодежи. Выступала на поэтических вечерах, которые в те времена часто устраивались на концертных и производственных площадках. Работала в библиотеках города. С сожалением наблюдала процессы изменения вкусов общества, когда поэтическое слово переставало завораживать массы, становясь уделом немногих. Итогом этого периода стал сборник лирики «Три счастья».

В 1990 году всерьез занялась журналистикой, под фамилией Гарбузова работала в газете «Молодой коммунар», сейчас – старший редактор в областном издании «Тульские известия». Основная проблематика материалов – процессы, происходящие в региональном и российском здравоохранении. У журналиста оказалась не часто встречающаяся способность говорить занимательно о скучном, просто – о сложном. Гарбузова – победитель множества региональных конкурсов профмастерства, лауреат премии Национальной медицинской палаты в области журналистики. Успешно пишет статьи о судьбах литературы и искусства, музейного дела, о колоритных тульских характерах.

Начав как женская лирическая поэтесса, после рождения сына Картавцева неожиданно для себя самой начала писать стихи и прозу для детей. И вот тут-то обрела заинтересованного и благодарного читателя. Сегодня в ее творческом багаже семь детских книг. Одна из них – «Страна Разнотравия» представляла Тульскую область на Второй всероссийской конфе-

ренции по экологическому образованию и была рекомендована для использования в качестве дополнительного учебного материала на уроках природоведения. Мистический детектив «Ошейник для богини» написан на местной фактуре, в основе сюжета – реальная история, произошедшая в Тульском зоозотариуме. И хотя город, где действуют герои повести, называется Ильинском, Тула легко узнается. «Ошейник для богини» стал номинантом Национальной детской литературной премии «Заветная мечта».

В течение многих лет Екатерина Картавцева сотрудничает с детскими библиотеками, встречается со своими юными читателями. Эти встречи обычно превращаются в мастер-классы, когда выясняется, что юные читатели на самом деле – юные писатели и художники. В городе не раз работали выставки «Произведения Екатерины Картавцевой в рисунках детей».

В последнее время всерьез вернулась к стихам для вполне взрослого читателя, поскольку, по ее мнению, именно терапии полновесным поэтическим словом не хватает нашему издерганному современнику больше всего. Литературная работа для этого автора не столько возможность самовыражения, сколько способ личного сопротивления той бездуховности, которая нас всех накрывает.

В сборнике «Весеннее обострение» Картавцевой в какой-то мере удалось соединить профессии поэта и журналиста: лирическую героиню отличают теплота, искренность, даже возвышенность чувств, и, одновременно, представленную здесь картину мира нельзя не признать эквивалентом сермяжной правды.

В силу крайней загруженности рутинной газетной работой Екатерина Картавцева никогда не представляла своих рукописей в крупные издательства или толстые журналы. Но ее книги легко найти в тульских библиотеках, подборки стихотворений разных лет публиковались в альманахах «Прикосновение», «Иван-озеро», в коллективных сборниках, газетах «Молодой коммунар» и «Тульские известия».

Связаться с автором можно через ее страничку «ВКонтакте».

Ирина ГАВРИЛОВА, поэт

Содержание

Разноцветный снег

Мельтешат рекламные огни...	5
Проскрипел осторожный троллейбус...	6
Дворы-колодцы. Фонари. Деревья в инее...	8
Работа	9
Попытка гороскопа	10
В парке	12
Оставь кричать про тетку-глушь-Саратов...	13
Встреча	15
Костер	17
Утешение	18
Разборка	19
В кафе	20
Разговор	22
Бабье лето	23
Осень. Прогулки	
И удивлюсь я лиственнице желтой...	24
Что, дружище, мне хочешь впарить...	24
Стрекоза	26

Первый снег	28
Дворник в тумане	29
Петрович	30
Как ваша дружба старая крепка...	31
Возвращение	32
Девять баллов	34
Управленец	36
К губам нашим липнет зло мира сего...	38
Как только выйдут из употребления...	38
Взгляд	39
Сказка-монолог о богаче и его заморском госте	40
Наследник	42
Воздушный пузырь	43
Зависть	45
Хлеб	47
Песня о скором поезде	48
Травести	50
Все уже написано, друзья...	51

Фаустина. Поэма	52

Весеннее обострение

Опять не уложилась в парадигму...	61
Собственность законом охраняется	61
Что плохому танцору мешает	61
Моя хата с краю	62
Незавидный достался мне выдел...	62
Ну и что, что было? Было и прошло...	62
Письмо	63
Правда	63
Счастье	63

Этапы творчества

Дебют	64
Фига	64
Дитя	65
Вера	65
Завещание	65

Love Story

Когда мы чушь прекрасную несли...	66
Ты мне верен, знаю, ты мне верен...	66
Семья	66
Вновь приплетаю к молениям простым...	67
Признание	67
Соперница	67
Все кончено	68

Путь к трюизму

Повис над крышей розовый лаваш...	69
Эх, будь что будет! Отогрей меня...	69

Палка для селфи

Селфи с палкой по определению...	71
Не отметят такой сценарий...	71
Рассвет в долине Гиза	71
У ног сфинкса	72
Вижу: над Нилом еще небеса не сносились...	72
Попутчик	72

Глупый вопрос	73
Затмение солнца	73
На прикол	73

Алгоритмы

Переберу, отброшу, отсею...	74
Медаль	74
Роман	75
Поменяю явки и пароли...	75
Лежащий камень	76
Credo	76

В клубке газетном

Ветер играет газетным клубком...	77
Чувство меры	77
Казус	77
Стажер	78
Издержки профессии	78
Редактор	78
Выйдя в тираж	79

Мне ближе партия зеленых

Меркурий	80
Письмо	80
Наследство	81
На малой родине	81
Где ты, речка-реченька...	81
Прилетели	82

Тайный сад

Как талисман в матрешке...	85
Береза весной	86
На развилке	87
Сычево, Журавлевка, Меловой Раздел...	89
Если вдаль глядеть с холма	90
Чаепитие	91
Палыч	93
Два сюжета	
Фашист пролетел	95
Рыночники прошли	95
Картинки прошлого	
Новая вера	97
Нукеры. Вой кнута. Кинжал каленый...	98
Сыплется с неба красным дождем...	98
Сны сбылись, исполнились пророчества	100
Вот же время адово...	101
Запах медовый, дали нежны...	102
Белая сирень	103
Оса	105
Завтраки с Татьяной	106
Пустельга	108
Дождь четверга	110
Сколько ни прыгай по камешкам...	112
Беда ли тебя настигала в пути...	113
Предчувствие	114
Сон о новогодней ночи	116
Мой путь неоправданно долог...	117
Молитва	118
Река забвения	119

Учительница	121
Сказка о царевне, которая вышивала по шелку	122
Журавль	125
Последний почтальон	126
Невидимая станция	128
Остановись среди разочарований...	130
Ночь легла на равнину на целую...	131
В бессоннице бес заключен...	131
Ночная фиалка	132
Туча	133
После дождя	135
Молчание о Всевышнем	136
Поповка	137
Акварель	139
Ни похвал, ни лишнего вниманья...	140
Спящая красавица	141
Ковер	142
Рефрен	144
Декабрь. В ожидании снега	145
Сквозь туман	147
Березы	148
Какою мерой мерили другим	149
Рождественский ангел	151

На перекрестье

Шире широкого, выше высокого...	155
Феникс	156
Дом генерала А.Мирковича	157
Путь	158
Полночь	159
Старуха	160

Мигрант	161
Белая ворона	162
Буря в стакане воды	163
Синь-камень	164
На битом стекле	165
Пейзаж	166
Воздушный замок	167
Смайлик	168
Нежданный гость	169
Интервью	170
Ноябрь	171
Землянка	172

Улетая. Поэма в стихах

Не видна уже и не слышна...	175
В ночи осиянной	177
У окна	179
Призрак	181
Прошлогодний снег	183
Сон	185
Пусто в зеркале	187
Присядем, сынок	189
Deja vu	190
Песня ангела	193
Два круга	195

Об авторе	197